

Зинаида Воробьева

**Четыре
четверти пути**

Зинаида Воробьева

Четыре четверти пути

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64152621

SelfPub; 2024

Аннотация

«От каждого зависит, как он будет двигаться от одного возраста к другому. И на каждом этапе нужно приспособливаться к новым условиям». Оливье де Ладусетт, французский психоаналитик. В коконе, что обволакивает личинку бабочки, когда та переходит в стадию куколки, предшественницу имаго, гусеница преобразуется в бабочку через испытания и метаморфозы. Для того, чтобы бабочка с выросшими крыльями отправилась в первый полет. Главная героиня Лина в пути на длинной дистанции, от юности к зрелости, двигается от своих страхов, неуверенности в собственных силах, к маленьким победам. Она сумела вырваться из кокона своей застенчивости и всех воспитаний на волю, дарит себе свободу и крылья. Мир прекрасен и красив, и многие оставляют свои коконы. Все, как в природе. Человек рождается личинкой, и душа его только в проекте. Если он не хочет двигаться горизонтально, в одном измерении, в своем пути он должен взрастить крылья. Без них не стать крылатым, не познать счастья полета.

Зинаида Воробьева

Четыре четверти пути

Глава 1

Считается, что есть три стадии кармы человеческой жизни. Первую треть человек живет по карме, которую ему подарили родители. Вторую треть жизни он создает карму своим детям. Ну а третью часть жизни он живет по собственной карме, или, как говорили древние новгородцы, «по своему разумению».

Первая треть моей жизни (по карме, которую подарили мои родители)

Думаю, мне досталась хорошая карма от моих родителей. Я жила в семье, с отцом и матерью, у нас был свой дом. У меня были братья и сестра.

Я плохо помнила свое детство. На старых фотографиях сидела маленькая серьезная девочка с чумазым личиком и внимательными глазами, в руках деревянная пирамидка. На обороте надпись: Лине два года 9 месяцев. Наверное, я уже ходила в детский сад, потому что дома игрушек у нас не было. Волосы острижены под машинку. На групповых детсадовских фотографиях я с челкой, поливаю с другими детьми клумбу с цветами. Мы все в одинаковых синих халатиках с белыми воротничками, в резиновых ботиках.

Детям никто не мешал жить в своем мире. Летом мы до

глубокой ночи играли в прятки на улицах, полных бурьяна, крапивы, репейника, скромных желтых одуванчиков. Падали, обдирали до крови колени. Искусанные комарами, прибежали домой, и, наскоро вымыв ноги, падали в постель. Зимой – прыгали с крыш в сугробы, делая в воздухе сальто-мортале, как мы сами это называли, строили снежные городки или бабу. Возбужденные, с ярким румянцем на щеках, мы врвались домой, сбрасывая оледеневшие варежки, и грели замерзшие ладони у русской печки, занимающей половину дома. В валенках было полно снега, шаровары стояли колом. Одежда очищалась от налипших кусочков снега веником, развешивалась на специальных лесенках для просушки к следующему дню.

Наверное, я была своевольной, убегала, куда глаза глядят. Однажды на соседней улице я смотрела на машину, из которой сгружали навоз для огорода. Кто-то сверху бросил грязный ящик, а я, как нарочно, пробежала мимо. Тогда мне сильно попало по голове, кровь текла ручьем. Зареванную, грязную меня привели домой, но мне еще и попало, чтобы не бегала, где не надо. Хороший шрам близко к виску остался на память об этом происшествии.

В школе в младших классах я, ничего не сказав дома, ушла ночевать к подружке. Квартира на первом этаже деревянного двухэтажного дома, в те времена их называли «жактовской», казалась дворцом, а немудреная еда царским угощением. Не знаю, как родители меня нашли, но только

неожиданно они появились на пороге во время нашего ужина. Я всю дорогу до дома бежала бегом, потому что мама норовила отхлестать меня длинной вицей.

Наш дом стоял на окраине города. Все напоминало деревенский уклад. По улицам ходили свиньи, курицы и коровы. В километре от дома был лес. В то время в лесу было много грибов и ягод. Сразу же, как только начинали поспевать ягоды, а затем шли грибы, считалось обязательным ходить в лес за ягодами и грибами. В начале июля мы ходили за земляникой, иногда к дальним холмам – за лесной клубникой. Позже поспевали черника, голубика, малина и смородина разных цветов: черная, красная, белая. Ягоды впрок не заготавливали, сахар был дефицитом, да и собрать их так много, чтобы оставалось не только на еду, но и на варенье, не удавалось. Толченые ягоды с молоком летом были основной едой, позже – грибной суп со свежим картофелем. Зимой мама всегда делала ароматные соленые рыжики со сметаной и ставила большое блюдо на стол, когда пекла для семьи блины в русской печи. Когда я училась в шестом классе, отец одноклассницы взял нас на грузовой машине в дальний лес за грибами. Тот год был особенно урожайным на грибы, и я привезла домой несколько мешков красных и белых грибов. Их высушили в русской печи, а зимой стряпали пельмени с мясом и грибами.

В то время в огородах не высаживали ягодных кустов, они занимали лишнюю площадь, да и окультуренных саженцев

не было в продаже. Земля должна была приносить более полезные овощи, картофель был вторым хлебом, от его урожая зависело, будет ли зима сытой, хватит ли мелочи и отходов, чтобы прокормить корову и поросенка. Земля в огороде была жирной, копалась легко, каждую весну в качестве удобрения в нее вносили много навоза, который за зиму скапливался от коровы. На полях за городом высаживали картофель те горожане, у которых не было своих огородов. После уборки в земле оставался картофель, и детей посылали убирать его остатки после первых дождей, когда земля оседала, и можно было увидеть промытый картофель: мелочь, а если повезет, и крупный, который мог пригодиться на еду. Ведер в то время было мало, наверное, потому, что они стоили дорого, в ходу были корзины разного размера, большие и маленькие. Чтобы не ходить так далеко в поле по несколько раз, всегда брали с собой большие корзины, после сбора ставили их себе на плечо и шли больше километра домой.

Было время, когда и мы высаживали картофель на полях за городом. Отцу, как имеющему в семье много детей, давали землю под посадки. Уборка урожая была священным занятием. Выходили из дома часов в семь-восемь, всей семьей, брали с собой четверть молока и уже испеченные мамой с утра горячие ватрушки. Уму непостижимо, как она умудрялась вставать в три часа утра, и, никому не мешая, стряпать целую кадушку теста, чтобы к завтраку все было готово.

Недалеко от дома было капустное поле. Осенью, когда вы-

резали кочаны, мы всем семейством ходили собирать оставшиеся капустные листья. Все шло на корм поросенку, которого обязательно выращивали к зиме. Я не помню, уставали ли мы тогда. Сознание того, что делали дело, приносящее пользу для семьи, было важнее. Кроме того, мама всегда кормила вкусно после тяжелой работы. Правда, нам и картошка, жареная на огромной сковороде на плите, с корочкой, с домашним молоком и куском белого хлеба была лакомством.

После меня у родителей было еще трое детей. Сильная и выносливая от природы, наверное, в маму, я легко и быстро выполняла все порученные мне, как старшей сестре, задания по уходу за малышами. Мне нравилось быть маминной помощницей, я ежедневно летом стирала рубашки, майки и трусики своих братьев, ходила полоскать белье на речку, сушила его на заборе и веревках. Стиральной машины не было, белье стирали в корыте со стиральной доской и хозяйственным мылом. Воду для стирки нагревали на солнце. Наверное, не всегда удавалось сделать его идеально чистым, поэтому летом полотенца и простыни раскладывали на зеленую картофельную ботву. Считалось, что так они отбеливаются от пятен.

Белье, в основном полотенца холщовые и льняные, гладили особым способом. На деревянную рифленую дощечку с ручкой раскладывали полотенце и катали по нему деревянным валиком. Похоже, эти вещи были привезены мамой из деревни, а сейчас я не видела их даже в музеях.

Особым ритуалом были походы в баню. В городе была одна городская баня с двумя женскими отделениями. В баню ходили в субботу вечером. Нас с сестрой посылали занимать очередь. Когда мы придвигались к двери, а мамы с младшими братьями не было, терпеливо ждали их. В бане на втором этаже был промтоварный магазин райпо. Мы поднимались смотреть там всякие безделушки-украшения, которых не было дома. Однажды туда привезли женские комбинации, об этом прослышали на нашей улице, и многие женщины, в том числе и мама, отправились туда почти бегом. Несколько красивых комбинаций голубого, розового и сиреневого цвета, совершенно простых, мама положила в комод и сказала, что это наше с сестрой приданое. Лично мне в то время хотелось в приданое ее батистовую рубашку нежнейшего кремового оттенка с маленьким вышитыми гладью цветочками на груди. Откуда она была у нее, когда мы жили очень стесненно, не знаю. Не помню, куда потом это все делось.

Мама была маленького роста, лицо, никогда не знавшее кремов и мыла, кроме хозяйственного, до глубокой старости оставалось без морщин. Мы и в бане мылись сами и волосы только хозяйственным мылом. И мочалки были лыковые, старались еще брать те, что жестче, чтобы грязь сдирали. Каштановые волосы мама тщательно расчесывала гребенкой утром и вечером и закручивала в узел. Серые глаза с косинкой, казалось, никогда не знали печали, хотя забот о хозяйстве и с детьми наверняка хватало. Она и лечила нас

сама. Меряла со своими молитвами, когда у нас были сильные потрясения, обрабатывала раны. В больницу мы попадали редко. Однажды у сестры была скарлатина, а у младшего брата перелом ключицы. Наверное, она знала всякие деревенские заговоры, тогда это не поощрялось, но к ней приводили и соседских ребят мерять от испуга.

Те, кто сегодня жалуется на трудности при сытой и обеспеченной жизни, не представляют, что выпало на долю старшего поколения. Маме удалось поучиться только в двух классах начальной школы. Первая в семье у родителей, она безропотно исполняла обязанности хозяйки-матери. Оберегая от непосильного труда маленькую росточком дочь, дед «отписал» ей в сельсовете пару годков. И все равно в шестнадцать лет ей уже пришлось работать на лесоповале, а потом на сплаве. На тех неженских работах она надорвалась и после мучилась от грыжи и болей в суставах. Уже после смерти отца она часто рассказывала, как они познакомились и поженились. У его родителей было крепкое хозяйство, и невестка из бедной семьи им была не нужна. Против воли родителей они расписались и пешком ушли в город за полсотни километров. Они не представляли себе жизни без большой, многодетной семьи, и сразу после войны дети рождались с перерывом в два года.

Родить и воспитать шесть детей – такое под силу только очень сильной и смелой женщине. Однажды зимой брат с мамой на маленьком самолетике отправились к ее сестре в

дальний лесной поселок. Другой дороги в то время не было. Болтанка была серьезной, летчики не на шутку встревожились за пассажиров. Но ни один мускул не дрогнул на лице мамы за полтора часа полета. Там, в дребезжащем, холодном кукурузнике, как рассказывал всем брат, он понял, что окажется мама на фронте, она и там бы стала героем.

Не знаю, где мама выучилась шить, но на швейной машине она строчила подзоры к кровати, шторы на окне тоже были с рисунком. Есть фотография, когда приехала в гости ее сестра со своей дочкой, и три девочки стоят в ситцевых одинаковых платяницах с оборками. Когда она их сшила при всей своей занятости, непонятно. Мама была очень довольна, когда в гости приезжали ее родные, и она делала им подарки. Ей нравилось, что она может чем-то помочь своей родне, живет в достатке. Где мы тогда все размещались в это время – не помню.

Половина дома, в которой мы жили, была очень тесной. Представить сейчас, что спали на печке и полатях, трудно, но так было. Основной мебелью была железная кровать, довоенный комод и узкий шифоньер. Говорили, что в детстве я спала в большой корзине на комод. Матрасы были самодельные, как и одеяла и подушки. Постельного белья в те времена не было, летом одеяла возились на реку, стирались на плоту, и так было до следующего года. Позже я поняла, как убого было в доме в сравнении с жильем одноклассниц, но для родителей все в нем нравилось, и другой обстановки

они не помышляли.

Пол дома был холодный, поэтому настилалось много половиков. Вечерами, когда мы учили уроки, мама большими портновскими ножницами нарезала полоски из обрезков ткани, сшивала их, сматывала в клубки. Когда набирался мешок клубков, она уносила их к двоюродной сестре отца, у той был станок, на котором она ткала половики. Новые дорожки стелились к праздникам или перед гостями. Посреди дома стояла большая русская печка. Я очень любила на ней спать. Даже потом, став взрослой, часто забиралась на топленную печь и знала, что в безопасности, тепло родного дома поддерживало.

Когда мы немного подросли, мама стала работать ночным сторожем и истопником в детском саду. Детсад был большой, но отапливался дровами, и по вечерам мы с сестрой приходили к ней, чтобы помочь наносить их. Огромные толстые поленья, длиной почти в наш рост, приходилось носить к разным печкам: в зал, игровые комнаты, спальни. Часто дрова лежали в снегу, замороженные и очень тяжелые. Как же они отличались от своих, «домашних» дров, которые начинали заготавливаться еще зимой, вернее, ближе к весне. Большую машину дров пилили ручной пилой на недлинные части, кололи на небольшие аккуратные поленья, складывали дрова в поленницы у забора, чтобы за весну и лето они просохли, а только потом снашивали их в сарай для дров. Работала вся семья, каждому находилось дело. Зато в любую

погоду, был ли это дождь или снег, приносили в дом легкие, сухие березовые поленья, разом занимавшие в печке от небольшой лучины.

Здесь же, в детском саду, огромные, часто сосновые поленья сначала отходили, оттаивали от снега или льда. Потом мама затапливала высокую «казенную» печь: сначала поджигала бересту, потом – приготовленную заранее лучину, тонкие сухие дрова, а потом уже эти огромные поленья, которые топились несколько часов, но к утру печь становилась горячей, и в детском саду было тепло даже в самые сильные холода. В садике нас подкармливали. Повар, зная, как много в семье детей, часто оставляла на плите разные вкусности, которые не готовились дома: творожные или морковные запеканки, упревшие рисовую или пшеничную каши с маслом, котлетку с рожками, компот или кисель. И было еще одно заманчивое занятие, из-за которого я старалась часто ходить в детский сад вечером. В зале стояло пианино, на котором можно было играть, сколько захочешь. Я садилась на высокий стул, открывала крышку пианино и начинала подбирать слышанные по радио мелодии. Мне хотелось быть артисткой, исполняющей разные пьесы с подлинной страстью и проникновением, в которых проявляются талант и техника музыканта. Все как в кино. Узнав, сколько стоит обучение в музыкальной школе, родители отказались от затеи обучить меня музыке. И где бы они взяли инструмент? Тогда музыке учили детей из обеспеченных, интеллигентных семей. Толь-

ко они могли позволить себе покупку дорогого пианино. Наша семья в этот разряд не попадала.

Большинство домов жили натуральным хозяйством. На городском рынке стояли торговые ряды, где можно было продать излишки своего хозяйства и иметь дополнительный доход. Я помнила гордость на лице мамы, когда она уходила на рынок с молоком и яйцами для продажи, и всегда успешно их продавала.

Сейчас уже никто не помнит, что базар представлял собой деревянный сарай, с тремя отделениями, по стенкам стояли дощатые прилавки, а пол был земляной. Яйца складывались в ячейки, которые были прорезаны в дощечках прилавков. Включалась электрическая лампочка, яйца просвечивались, так проверялось их качество. Женщины стояли за прилавком с молоком в четвертях и полу четвертях. Можно было увидеть, насколько жирное молоко, у некоторых сметаны было на одну треть от верха бутылки. По рядам ходил сборщик денег за место торговли, никто не мог стоять бесплатно. Это был уважаемый человек. На территории рынка в базарный день (лучше в субботу, чем в воскресенье), торговали молодняком. Помню, как мы возили в утепленных ящиках маленьких поросят. Это было примерно в марте. Такие весенние поросята продавались лучше, за лето их можно было вырастить на мясо. Поросята ценились за «жоркость», так их нахваливала мама покупателям. Продавала она всегда быстро, без усталости от этой трудной работы приходила домой и

сразу бралась за другие дела.

Настоящей трагедией для семьи стал запрет держать крупный скот в городах. С общей любимицей, коровой Зойкой, дававшей столько молока, что его хватало не только на то, чтобы накормить семью, но и на продажу, пришлось расстаться. Перед тем, как увести ее на бойню, отец пригласил фотографа, и вся семья на улице сфотографировалась с нею.

Деньги от продажи излишек не тратились попусту, они складывались, копились на то, что нужнее всего. Для родителей это был дом. Очередные соседи во второй половине дома предложили отцу купить ее, и он, заняв денег у своего фронтowego друга-однополчанина, выкупил вторую половину дома. Когда мне было тринадцать лет, была нанята бригада строителей-татар для его переделки. Нам всем тогда досталось тяжелой работы. Все делалось вручную, для утепления потолка была поднята наверх не одна сотня ведер земли и песка. Год мы жили без пола, потому что не хватило денег, были просто настланы доски.

В то время мы не ощущали сильных неудобств, потому что у каждого была своя насыщенная жизнь. В первом классе я уже путешествовала с группой девчонок по всему городу, ходили по магазинам, рынку. Бегали на железнодорожный вокзал встречать поезд. Однажды я, первоклассница, прослышав, что в детской спортивной школе идет набор в группу гимнастики, решительно отправилась туда. Показав все свои умения: мостик, шпагат не только на правую и левую

ногу, но и поперечный, все же не была принята в эту школу. По правилам, заниматься этим спортом в секции можно было только с пятого класса. В то время тренеры не рисковали. Конечно, в пятом классе я снова пришла записываться в секцию, была принята, и эти годы, проведенные с гимнастикой, были одними из лучших школьных лет. Я вырезала из газет снимки гимнасток на снарядах, вольных упражнениях. Во время учебы в седьмом классе в газете «Советский спорт», которую я выпросила у родителей, была большая статья об олимпийской чемпионке Ларисе Латыниной. Называлась она «Искусство гимнастики». Прочитав, я с восторгом пересказала её своим подругам по секции, и все, даже старшие, слушали, затаив дыхание. Все были влюблены в гимнастику, на областных соревнованиях восхищались чемпионками, показывающими элементы, которые нам и не снились. Я и сейчас иногда во сне вижу себя выполняющей какие-нибудь упражнения, чувствующей каждую мышцу своего тела.

Я не стала большой спортсменкой. Тренерский состав был слабый, готовили из нас чистеньких разрядниц, не претендующих на высокие спортивные достижения. Только тогда, когда я уже оканчивала среднюю школу, в город приехал новый тренер, полностью изменивший подход к тренировкам, сложность упражнений. Девочки, на которых он сделал основной упор, выросли до мастеров спорта, сами стали тренерами.

При всей нашей скромной бедности выписывали газеты, сначала «Пионерскую правду», потом «Комсомольскую правду», нам с сестрой давали по десять копеек на утренний воскресный сеанс в городском кинотеатре. Фильмы «Три толстяка», «Тимур и его команда» врезались в память. В киножурналах, проходящих перед фильмом, показывали балерин. Тонкие, грациозные, с прямыми спинками, ученицы занимались в балетных классах, а настоящие артистки, облаченные в облака тюля, шифона и атласа, блистали перед публикой в роскошных залах театров. Когда я училась в шестом классе, мне захотелось стать балериной. Растяжка у меня была очень хорошей. Где-то я узнала о близлежащих хореографических училищах, но все мечты о балете, как и раньше, об учебе в музыкальной школе, было невозможно осуществить из-за отсутствия в семье денег. Хорошо еще, что я не знала тогда о специальных требованиях к поступлению в училище. Это выворотность ног, подъем стопы, относительно узкое тело и длинные руки и ноги. Последние позиции были не про меня.

Все-таки жизнь преподносила и щедрые подарки. За отличную учебу, победу пионерского отряда, председателем которого я была, в каком-то соревновании, меня послали во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Тот месяц, сорок дней, прожитые у горы Аю-Даг в Нижнем лагере, а всего их было четыре, расположенных поблизости друг от друга, остался в памяти навсегда.

Я помню эту раннюю весну. Наша Кировская делегация в количестве 15 мальчишек и девчонок должна была выезжать 6 мая. А 5 мая в палисаднике у дома зацвели кусты смородины. Нужно ли говорить, что это было мое первое путешествие. Отец довез меня до областного центра, сборный пункт был на вокзале. Сопровождали нас две взрослые дамы, ехали мы в плацкартных вагонах до Москвы, а потом поездом «Москва-Симферополь». Далее – на автобусе до самого Артека. Первая в жизни встреча с морем, кипарисы, плакучие ивы, розы...

Оказывается, в эти дни был сбит американский самолет, и в глубинке думали, что может начаться война. Потом мне говорили, что отец готов был ехать за мной в Крым, чтобы забрать меня домой.

Жили мы в лагере в больших палатках, с каменными невысокими стенками, верх брезентовый, в каждой из которых было 20-30 коек. Ночью залезали в спальные мешки. Один лагерь – одна пионерская дружина, 350 человек, в ней девять отрядов. Отряд, в составе которого я была, был четвертый. В то время Нижний лагерь был летним, международным, другие три – круглогодичные, не международные. Но я была в первой смене, май – начало июня, а две международных были после неё. Нам повезло, мы попали в конце смены в теплую воду, нам разрешали купаться.

Все были одеты в соответствующую форму, белые рубашки с красным галстуком и синие штанишки или трико. На

голове обязательно панама. Была и парадная форма, с шелковыми блузками и атласными расклешенными серыми юбками.

День от подъёма до отбоя заполнялся до краёв. В 7 утра – пионерский горн, коллективная зарядка, туалет, заправка постелей, отрядная и дружинные линейки, объявление плана на предстоящий день. Поднятие артековского флага доверялось лучшим за прошедшие дни. Далее – насыщенный разнообразными занятиями день под девизом «Труд, спорт, дружба». Тридцать два кружка в дружине, самые разные, по интересам: спортивные, музыкальные, технические и другие. Я ходила в кружок художественного слова, учила стихотворение, посвященное вожатой, для межлагерного фестиваля. Помню, как звенел мой голос над морем: «Здравствуй, Тоня, как сегодня море, как там поживает наш отряд?». Такое было братство, что на глаза наворачивались слезы, а при отъезде все девчонки рыдали. Вечерами снова была отрядная и дружинная линейки, спуск флага, в 22.00 – отбой.

Полуоткрытая столовая вмещала всю дружину, столы на четыре человека, фирменная посуда, вид на море. Подходя к столовой, в обязательном порядке приветствовали остальные отряды, а они – нас: «Всем-всем – приятного аппетита!». Я впервые ела со столовыми приборами, нас учили ими пользоваться, узнала вкус заморских фруктов. И сейчас баночку консервированных ананасов кружочками я покупаю в память об «Артеке».

Остались фотографии о посещении Севастополя с его Малаховым курганом, Сапун-горой, грандиозной панорамой «Оборона Севастополя 1854-1855 годов», «Ласточкиного гнезда», подъёма на Аю-Даг. Не забыть Никитский Ботанический сад с тысячами видов и сортов растений, пальмами, серебристыми елями, кедрами, морем красивейших цветов, аллеями и прудами. Помнятся до сих пор встречи со знаменитыми гостями Артека, артековская спартакиада, лунная дорожка.

В семье к учебе все относились серьезно, читали много книг не только из обязательной программы. На полке книг, казалось, была вся серия «Школьная библиотека», собранная старшими братьями и мной. В читальном зале городской библиотеки, куда я стала ходить в старших классах, была тишина, недоступная дома. Заведующей работала красивая и модная женщина, похожая на иностранку из новелл Цвейга, так что в библиотеку тянуло даже посмотреть на нее. В первом зале сидели читатели свежих газет и журналов, на руки выдавались ненадолго толстые журналы, в которых печатались самые интересные новинки, за ними была очередь. В маленьком дальнем зале шкафы, стоявшие темными рядами, окружали склонившихся под зелеными абажурами школьников и взрослых. Книги манили разнообразием переплетов: грубых и нежных, черных и серых, толстых и тонких, шершавых и гладких. На круглом столе в углу зала стоял огромный глобус, отражаясь в стеклах шкафов.

В то время я была влюблена в учителя физики. Похожий на Лермонтова, талантливый педагог, он нравился не только старшеклассникам, но и ребятам. Некоторые из них, увлеченные этой дисциплиной, поступали учиться в лучшие московские вузы на физиков. Две страсти овладевали мной тогда. Я решала задачи по физике, которых не было в школьных учебниках, желая блеснуть перед своим кумиром знаниями, и много читала не только классической литературы, но и критиков. В маленьких лингвистических рассказах я искала объяснение непонятным мне сюжетам, написанными авторами книг, что было очень интересно или по каким-то причинам трудно и вызывало вопросы. Мне хотелось на уроках литературы выступить с глубоким разбором домашнего задания, получить одобрение, высокую оценку. Библиотека располагалась в помещениях бывшего магистрата города в здании, построенном купцом Анфилатовым в самом центре города на площади Революции. При ее создании исчезли ломбард, две лавки и пожарная служба, что были там, а запах нафталина, вызывающий головную боль, давно выветрился. В ее столетней истории в то время витала аура познаний. Сегодня там магазин. Он не процветает, потому что здание и помещение было предназначено не для торговли.

В школе я была заметной личностью: отлично училась, занималась спортом, участвовала в редколлегии школьной газеты. Выполняла безотказно все поручения учителей и классного руководителя, успевала везде. В то время пе-

ред школьниками не было сегодняшней профориентации. Немногие могли сказать, кем бы хотели стать. Основными профессиями были учитель, врач, инженер. Некоторые профессии были заманчивыми благодаря фильмам, книгам. Где-то далеко от нашего маленького города бурлила настоящая жизнь, создавались атомные реакторы, ЭВМ, взлетали в космос корабли, снимались фильмы с красивейшими женщинами. Большие города манили сильнее, чем новостройки заводов и электростанций. Образ ученого, кандидата наук или профессора, окруженный славой, стоял перед глазами как олицетворение жизненного успеха. С этим образом были связаны свет далеких стран, кипение встреч, лиц, событий. Ни одна профессия по моему представлению не могла бы так удачно сплавить в одно целое все сокровища жизни. Я решила сразу после школы поступить в университет, стать ученым в области физики твердого тела.

Родители никогда не мешали выбору детей. Самый старший сын закончил в Казани авиационный институт. Он был настоящей гордостью родителей. Инженеров-детей в округе не было ни у кого. После третьего курса он привез на каникулах пятилитровый бидон топленого масла на деньги, которые он заработал в стройотряде. Это была роскошь для нашей семьи. Брат ушел из жизни рано, онкология, наверное, военное детство, работа на режимном заводе, все сказалось. Для всех нас из большой семьи, он остался недостижимым братом по величине своих поступков и влияния на все млад-

ших. Мама его очень любила, часто повторяла, как в годы войны он съел какой-то пирожок, который стоил больших денег, а она его больно наказала. Второму по возрасту брату в 16 лет отец сказал ему: «Получил паспорт, иди работай. Видишь, мне трудно». Он ушел работать учеником автослесаря, в вечернюю школу, уехал в Ленинград поступать в военно-морское училище. Напутствие перед отъездом в чужие края от отца было коротким: учись, не пей, не кури, не играй в карты. Сами они не очень ориентировались в перспективных устройствах будущего мира, поэтому не могли подсказать, куда поступать учиться. Да и педагоги верили в светлое будущее человечества и настраивали на получение специальностей, которые могли приносить успехи не конкретной личности, а государству. Мы жили по лозунгам.

Мне нужно было поступить в институт во что бы то ни стало. Высшее образование должно было дать определенное материальное обеспечение, которого семья была лишена. Действовал и стереотип: в институте можно встретить какого-то необыкновенного парня, за которого хотелось выйти замуж и жить, как люди, добившиеся успеха, образцы которых были на киноэкранах. Правда, в те времена еще было престижно выйти замуж за военного. Это подразумевало богатую и обеспеченную жизнь. На соседней улице к школьной подруге приехали родственники, служившие в Германии, привезли много красивой заграничной ткани, платьев и капроновых лент для волос, которые были в городе у избранных.

Глава 2

Родители не выпячивались своими детьми, хотя повод был: вроде сами неграмотные, и в таких трудных условиях растили детей, а вот же – так хорошо учатся, что их называют гордостью школы. На все родительские собрания ходила мама. Они были для нее «выходом в свет» и своего рода праздником. Ее всегда ставили в пример. Иногда, правда, на собрании учитель мог пожаловаться на какие-нибудь нарушения дисциплины или пробелы в учебе. Дома его ждала порка. Нет, девочек, конечно, отец никогда не наказывал, он был мягким и деликатным человеком, никогда не произнес ни одного бранного слова. Ну а парням доставалось, если было за что. Солдатским ремнем он мог пройти по мягкому месту за обнаруженную в кармане курточки махорку, за стаченную медаль, которую тот обменял у соседских ребят на диковинную поршневую авторучку. Однажды старший брат принес с пляжа часы «Победа», затоптанные в песок солдатами из военного городка во время игры в волейбол, но так и не посмел их показать родителям.

К отцу вся округа относилась очень уважительно. Он был представительным мужчиной, работал закройщиком в ателье. Спокойные серые глаза с умным взглядом, рост средний, в молодости худощавый, с годами начавший немного полнеть, он рано поседел и на макушке потерял волосы. Женщины на него заглядывались, и, кажется, он не упускал возможности завязывать краткосрочные «романы», если можно

так сказать применительно к нашему маленькому городку. А еще он мог подолгу выпивать. Называлось это «запой». Мама тогда ходила на его работу и со слезами на глазах просила не увольнять его за прогулы. Не знаю, что на него находило, но потом он целый месяц работал, не поднимая головы.

По-крестьянски тихий, немногословный, бывший фронтовик, никогда не надевавший свои награды, которыми играли дети, не дослужившийся до офицерских чинов, после войны он стал портным, к которому приходила вся округа. Он брал за работу недорого, к нему приносили переделывать старые вещи, новые в то время шили редко, и он никому не отказывал. Правда, однажды нашлись люди, которые сообщили, что он работает на дому без патента, и один фининспектор сумел его подловить. Штраф был большой и больно ударил по семье, но родители с этим справились. Сколько я помнила, он работал за ножной швейной машиной или у стола, кроил, утюжил части шьющихся вещей. Только позже появились электрические утюги, много лет утюг был на углях, взятых из топившейся печки, или тяжелый металлический, который просто ставился на горячую плиту и нагревался. Если ему нужно было идти на работу во вторую смену, это было с шести часов утра, а приходя с работы после первой смены, перекусив и немного полежав, он снова садился за шитье. Новую ткань в то время старались покупать двухстороннюю, чтобы потом пальто можно было обновить, поэтому заказов у него было много, особенно с переделкой.

Помню, как мы, совсем маленькие дети, ждали его с работы в день получки. Он приходил со второй смены поздно, часов в десять, выкладывал на кухонный стол из черной дерматиновой сумки простые продукты из магазина: карамельки, чайную колбасу. Для нас это было самым дорогим подарком. Без лишних слов он заботился о том, чтобы в доме всегда была еда, а дети накормлены. На плите в чугунке был простой суп, хотя бы с кусочками сала, чайник, на кухонном столе хлеб, молоко. В то время почему-то все покупали мешками. В чулане всегда стоял мешок муки для выпечки. Если он заканчивался, приобретался новый. В подполье хранился мешок кускового сахара. Его доставали несколько штук, и щипцами откалывали нужное количество для чая.

Сладости создавали сами. Зимой в холодных сенях морозили молоко в большом блюде, его заранее готовили к блинам. Мы скребли ложкой сладкую пенку сверху, накладывали ее на блин, или макали блины в такую стружку. О пирожных в то время не слышали. На кусок белого хлеба намазывали маргарин, как верх блаженства топленое масло, посыпали его сахарным песком. Десять копеек, которые давались в школу на пончики с повидлом, могли уйти на покупку брикета кофе или какао с молоком. Наслаждение получали, выходя из магазина и сразу вгрызаясь зубами в этот кубик. Новогодние подарки, полученные на городской елке, делились поровну на всех. Их ждали весь год, даже считали, сколько было шоколадных конфет, а сколько карамелек в бумаге, или

простых помадок. Печенье, вафли, яблоки были деликатесом. Позже появились апельсины, мандарины.

Никаких книг, кроме профессиональных, отец не признавал. И, кажется, никогда не читал художественной литературы. Лишь однажды произошел случай, потрясший брата-подводника, приехавшего в отпуск. За столом зашел разговор о правовом режиме «открытого моря». Подвыпивший отец начал сыпать в споре терминами и цитатами, далеко выходящими за семь классов его образования и тематику местных газет. На недоуменный вопрос – откуда он все знает? – отец пояснил, что в детстве отрабатывал отцовский долг у одного из крепких крестьян, на чердаке дома нашел неизвестно откуда взявшуюся книжку по истории римского права и выпросил ее. Книжку он прочитал, молодая жадная память сохранила ее на всю жизнь. При всем его трудолюбии, эта феноменальная способность к знаниям так и осталась нереализованной.

Все помнили однажды оброненную им фразу: «Герои лежат в могилах...», поэтому ему, чудом выжившему, не хотелось говорить об этой войне. О том, что война шрамом прошла по душе отца, можно было только догадываться. Лишь однажды он скупно рассказал о чувствах бойцов перед наступательным боем. Многие предчувствовали свою гибель, некоторые плакали и на коленях умоляли ротного не ставить их в первую волну. Что он испытал сам, оставивший жену и сына еще за два года до войны, можно было только догады-

ваться. Дома на высокие темы не говорили.

Вступив в партию перед первым боем, на памяти детей ни разу не сходявший в кино или на концерт, не имевший выходного костюма, он непременно выписывал и до дыр зачитывал местные газеты. Он бросал любую работу, чтобы, стоя на табуретке, прослушать новости из «тарелки» на стене, сообщавшей об очередных атомных взрывах, испытаниях, конфликтах. Даже на пенсии ходил на партсобрания. К нему приходила секретарь за несколько дней, уважительно приглашала. Днем он ходил в баню, брился перед своим зеркалом, оттачивая опасную бритву на кожаном ремне, одевался в китель с планками от наград, новое галифе, начищенные хромовые сапоги. Приходя, ничего не рассказывал, особенно после лекций о международном положении, на которые собиралось полгорода в Доме культуры, когда приезжал лектор из Москвы.

Сыну-подводнику, ставшему впоследствии капитаном I ранга, когда тот, побывав в заморских странах, высказал отцу, что они с матерью неправильно живут, ответил коротко, без обиды: «Мелко еще плаваешь, сынок!». Он запомнил эти слова на всю жизнь. А двух младших братьев научил плести корзины. Оказывается, он это тоже умел делать хорошо.

Пережитое не давало покоя, слабо зрение, дыхание становилось все тяжелее. Газеты, единственное, что он прочитывал ежедневно, уступили место телевизору, но передачи о войне он не смотрел никогда. Ни разу не бравший отпуск

ков, не бывавший нигде, кроме курсов по работе в областном центре, не видевший после войны ничего, кроме каждодневного труда, отец умер неожиданно. Ушел в магазин за хлебом и упал на пригорке у ручья.

Недавно на Яндекс-Дзене я прочитала эссе известного психолога о «родовом занятии», о котором нужно вспомнить в трудное время. Именно оно помогает продержаться. Мы все, даже братья, научились шить. А для сестры это занятие стало основным. Она окончила техникум, потом институт. И сейчас ее японская непростая швейная машина стоит всегда раскрытой на столе. Пальцы не позволяют шить крупные вещи, но пошить что-то растущим внукам, да и небольшие заказы на несколько сотен рублей всегда могут быть подспорьем.

Как было измерить любовь родителей к нам? Или понять, что они дали нам, а чего не дали в воспитании. Помню совсем маленькой офицерскую пару, которая жила в другой половине нашего дома. Тогда в городе была большая воинская часть, и офицеры квартировали по частным домам. Государственных квартир у них не было. Уезжая жить в другой город, они просили маму удочерить меня, сами были бездетные. Говорили, что жизнь у нас очень трудная, а если будет меньше детей, то будет легче. Мама загибала пальчики на руке, и говорила, что это дети, что без каждого из пальчиков трудно, а убрать его – очень больно. Вспоминая эту историю, я иногда думаю о том, как бы могла сложиться моя судьба,

если бы меня увезли тогда в крупный город, куда они переезжали. Пожалуй, мне не нужно той не сложившейся судьбы, хорошо, что у меня была и есть такая, своя, со своими родными по крови людьми.

В семье о родителях отца и мамы не говорили. Знаю только, что мамин отец, умирая, сказал ей: «Маня, желаю, чтобы дети твои все выучились и получили высшее образование». Так и произошло. После этих слов я верю в силу родительского благословения.

Мамины сестры разъехались в дальние края. В Красноярский край уехала после педучилища работать одна из сестер, позже она увезла к себе бабушку, мамину мать. Только однажды они приезжали в гости с тех дальних краев. Еще одна моя тетя уехала в Кемеровский край, работала на шахте. За муж она не вышла, но ребенок у нее был. От нее приходили открытки к праздникам. В те времена родственники переписывались, родители заставляли нас писать письма, передавать всем приветы, письма и открытки хранились в комод, в домовый книге. Чаще всех приезжала сестра мамы из села, которое называлось Синегорье. Это был поселок лесозаготовителей километров за двести от нашего города, мне это село казалось с синими горами, на краю света, как из фильма «Чук и Гек». Она работала учителем начальных классов в школе, и говорила о своих учениках только хорошее: какие они все умные и способные, а их родители трудолюбивые. Каждый год она ездила на курсы в областной центр, заезжала

к нам переночевать, а маму называла «крестная». Мы тогда ничего не знали о крещенье, хотя первых троих детей мама тайно окрестила в церкви. Остальных не смогла, отец был партийный, а с этим было строго.

Наверное, спорт помог мне быть организованной и добиваться поставленной цели. Хотя изначально я поступала на физический факультет, а не на биофак университета. Оглядываясь назад, в прошлое, я поняла, почему сначала потерпела провал. Несмотря на то, что была уверенной в себе благодаря спортивной закалке и неплохим знаниям, попав перед вступительными экзаменами в общежитскую атмосферу, растерялась, потому что оказалась абсолютно домашним ребенком. У меня не было знакомых, я ощущала себя такой одинокой в этом огромном общежитии, где ходило много взрослых, городских ребят и девчонок, до глубокой ночи раздавались гитарные звуки и пелись песни старшекурсниками, которые после практики еще не разъехались по домам. Первый письменный экзамен, за который я получила три балла, выбил из колеи, я забрала документы, несмотря на то, что в приемной комиссии уговаривали остаться, и уехала домой. Стыду не было предела, я с трудом пережила не только свою, но и боль родителей за этот провал. У меня был высокий разряд по спортивной гимнастике, и удалось устроиться инструктором по производственной гимнастике на местную швейную фабрику и продолжать занятия спортом. Девчонки из секции гимнастики и тренер были в то время един-

ственной поддержкой. Во время редких встреч с одноклассниками на праздниках и каникулах я тоже приободрялась – мне говорили: не дрейф, это была лишь случайность, средние ученики и то поступают.

И действительно на следующее лето судьба была ко мне благосклонна. Одна из школьных подруг училась в университете на биологическом факультете и с восторгом рассказывала о нем. Зоология и ботаника меня не привлекали совсем, я выбрала модное тогда направление – биохимию, подала документы, и за день до экзаменов приехала. У меня была медаль, можно было сдавать один экзамен – физику, и я готовила только этот предмет. Если бы не удалось сдать его на пятерку, делать тут больше было бы нечего, так как конкурс был очень высоким. Мне повезло: преподаватель физики, который принимал экзамен, несмотря на небольшую заминку, которую я допустила в решении дополнительной задачи, поставил отлично. Это было счастье!

Ночами в общежитии мне снился родной город.

С высокого берега Вятки открывался вид на леса с изумрудным цветом весной, насыщенным зеленым летом и белым зимой, а золотой осенью лес был оранжевый, багряный. Вечерами даль становилась дымчато-лиловой и сливалась с сумеречными небесами. Летом серебристая гладь реки блестела на солнце так сильно, что было больно на нее смотреть. Река, на крутом берегу которой стоял город, неспешно катила свои воды, чтобы после долгих странствий объединить

свои силы с другой рекой и дальше плыть вместе.

В излучине за миллионы лет намыло длинную песчаную косу. На песчаный пляж за рекой можно было добраться на лодке, а самые отчаянные ее переплывали. В мое детство каждое лето строили деревянный мост, позже построили капитальный. Летом у реки было особенно хорошо, в жару можно было с бонов в любое время нырнуть в речную прохладу.

Обрывистый берег представлял собой разрез древнего русла реки, которая протекала сотни миллионов лет назад. Свое начало она брала из огромных ледников, некогда покрывавших Уральские горы. Галечники из аргелитов, известняков, кварцевых и кремниевых песков сцементировали здесь твердые горные породы и песчаники. Кое-где залегали пласты зернистого и волокнистого розового гипса. Из глубины веков приходили шаровидные и нитевидные водоросли в виде окаменевших остатков. Маршруты вечности...

Когда-то в нашем городе снимался фильм по повести одного известного писателя. Фильм о войне, о людях, переживших войну, о человеческой доброте. На городском рынке – скудный прилавок военного времени. Два десятка торговых нехитрым барахлом, молоком, овощами. Кто-то менял хлеб. Тут же покупатели, возчики на лошадях, с возами сена и дров. В массовых сценах горожане в одеждах, извлеченных из бабушкиных сундуков. Я наблюдала за происходящим со стороны. Готовились к репетиции режиссеры, артисты, опе-

раторы, осветители, участники массовки.

– Внимание, все на исходную позицию, начали! – объявил режиссер.

Команды следовали одна за другой.

– Массовка, торгуем, живей! Женщины, внимание! Пошли первые две. Мужчины, пошли! Быстрее три женщины! Пиротехники, дым! Остальные пошли. Двигаемся ... Мужчина в солдатской форме, пьем молоко! Так, хорошо ...

Я помню, что натурные съемки тогда даже не требовали декораций.

Я почти не знала родственников отца в школьные годы. Иногда из соседнего северного городка приезжал его брат с женой. Их звали Николай и Тоня. Он веселый, разговорчивый, а она очень скромная и душевная. Приезжали с подарками – брусникой, клюквой, домашним салом. Шли разговоры о детях. Как-то у них все было неблагополучно. Дочь сидела в тюрьме, сын выпивал.

На первых студенческих каникулах по льготному билету я поехала в Москву к родственникам отца. Они жили в подмосковных Подлипках. У его сестры была хорошая двухкомнатная квартира, она работала в горно заведующей по детским садам, была замужем за немолодым уже военным. Это был неразговорчивый мужчина, не думаю, что он был рад моему приезду на два дня. В одной комнате лежала мать отца, моя бабушка, полная старушка со злым лицом. Моего деда в то время уже не было в живых. Родителей привезла сест-

ра из деревни, чтобы получить быстрее полную квартиру. Так мне объяснил другой брат отца, который жил в нескольких кварталах от своей сестры. Совершенно доброго, веселого нрава, с женой-колючкой, бездетной. Несколько лет отец платил алименты своим родителям, когда они переехали из деревни в Москву к дочери и не имели пенсии. Это случилось после того, как старший сын окончил институт и стал инженером. Видимо, семья сразу стала богатой. Такие в те времена были нравы.

Я приехала повидаться с родней отца, а они, наверное, думали, что я или наша семья будем у них на что-то претендовать. Расстались мы без дружеских эмоций, а дома родители спрашивали о своих близких каждую мелочь. Выросшие в деревне, в те времена, когда поддерживали хорошие отношения в своем роду и знали предков, они все равно интересовались жизнью родственников, даже если те могли поступать нечестно.

Никто не встречал меня в родном городе с распростертыми объятиями, когда я приехала после развода с мужем и бегства из Нижнего Новгорода в свой родной дом. Мама сказала: «Была бы хорошая, не разошлась бы». Отец молчал.

Это была неудачная семейная жизнь, но я тоже была виновата. Я тогда совсем не знала, что собственную семью нужно строить. Выросла в бедной многодетной семье, где кажется, видимых отношений у родителей и не было. Только работа и забота о пропитании, ремонте дома, о живности в хле-

ву. Главное воспитание получила в школе и секции спортивной гимнастики, в которой я занималась. Там все были из простых небогатых семей, основной одеждой была школьная форма, для занятий гимнастикой трико и купальник, сшитый из футболки с длинными рукавами. Даже купальники в черный или синий цвет красили сами, в ведре на плите. Тапочки шили, в новых выступали на соревнованиях, позже появились чешки. Главными нашими достижениями были разряды, и хорошие оценки.

На первом курсе я была обычной девушкой среднего роста, довольно плотного телосложения из-за занятий спортом, с темно-каштановыми волосами, с короткой стрижкой. Круглое лицо, здоровый румянец, никакой косметики. Походка уверенная, быстрая. По меркам родителей, одета я была неплохо: осеннее и зимнее пальто, меховые сапожки, сшитые на заказ, костюм для занятий и выходное платье, сшитое на шестнадцатилетие. Белье было хлопчатобумажное, которое я постепенно, глядя на девчонок, меняла на шелковое.

Эйфория студенческой жизни захватила. Я жила в комнате с третьекурсницами. Они вели довольно свободную жизнь, ходили на занятия к третьей паре, особенно не утруждали себя сидениями в читальном зале и подготовкой к занятиям во время семестра. Основной штурм знаний был во время сессии, а в течение нескольких месяцев до нее – постоянные вечеринки, мальчишки и гитара.

Первую сессию я сдала неважно, большие объемы мате-

риала давались трудно, но стипендию мне дали, потому что доход на одного члена в семье был очень маленький. Сейчас мне было стыдно за то, что училась крайне слабо, но объяснялось это, скорее всего, отсутствием интереса к ботанике-зоологии, изучаемых на первых курсах. Если бы тогда сумели объяснить, что живая клетка – любая, растения или человека – начало всего мироздания, что она является центром общей системы, и законами ее жизни можно объяснить все, что происходит вокруг, вплоть до самых сложных законов философии, я смогла бы, наверное, увлечься этими науками до конца. Но такое понимание пришло намного позже.

Конечно, одной из главных тем для обсуждения в комнатах общежития была тема замужества. Благодаря фильмам и книгам был нарисован образ возлюбленного. Это человек сильный, красивый, преуспевающий. Всем девчонкам хотелось выйти замуж, причем удачно. Под этим подразумевался еще и парень из города, с квартирой, имеющий связи для будущего устройства своей жены с тем дипломом, который мы должны были получить. Профессия биолога, судя по всему, в то время была не очень востребованной. Получить работу по специальности практически невозможно, а пойти в школьные учителя не хотел никто.

В своей группе я сдружилась с Алевтиной, которая была постарше, имела мужа, ребенка, и жила довольно далеко от университета. Ее муж был физиком-ядерщиком, часто уезжал в длительные командировки. Однажды у них дома я

познакомилась с другом мужа, и, естественно, влюбилась в него. Стройный, красивый, блондин, выпускник физтеха с мягким южным говором, он искал свою любимую женщину в течение многих лет и по причине своих высоких требований никак не мог выбрать для себя вторую половину. Вечерами мы гуляли по городу, целовались. Однако в его планы не входила женитьба на девушке без приданого, из глубокой провинции.

На третьем курсе я познакомилась со своим будущим мужем. В моей общежитской комнате у однокурсницы красавицы-блондинки Анны был городской парень, с которым она проводила много времени, в том числе и по ночам. Однажды они познакомили меня с Виктором, другом парня Анны. Невысокий, черноволосый, похожий на Адриано Челентано, несмотря на то, что он был рабочим, своей уверенностью в себе он мне понравился. Наверное, я была у них для компании, так мы начали встречаться. Наша связь длилась больше года, прежде чем он сделал мне предложение. Я стала приходить в их дом в центре города. Отец Виктора, Григорий Петрович, маленький сгорбленный человек, еврей, работал мастером в инструментальном цехе на большом заводе. Мать, Алла Васильевна, работала на соседнем заводе экономистом. Она была в доме хозяйкой, слушались все ее беспрекословно. Большая квартира выглядела всегда так, как будто в ней только что сделали генеральную уборку. В гостиной стоял рояль, огромный шкаф с книгами, в основном это

были собрания сочинений классиков. Семья была культурной, и я робела перед ними.

Сестра Виктора Даша, похожая на отца, худенькая темноволосая девушка с черными глазами, закончила кораблестроительный факультет политехнического института, работала в одном закрытом конструкторском бюро и часто ездила в командировки по приморским городам. Я значительно отставала от нее своим развитием. Даша уверенно разбиралась в живописи, музыке, литературе. Ее походы в театр, кино раз в неделю с мамой были обязательными. В то время Даша была замужем за своим однокурсником, который учился в аспирантуре. Она была богатой по тем временам невестой: в их комнате стоял импортный спальный гарнитур, одежда была модной и дорогой. Все отношения в доме были чинные и благородные. Я думала, что со мной будут обращаться как с принцессой, и сильно ошиблась.

Когда я оканчивала школу, мне перешли зимнее пальто, воротничок был из серого искусственного каракуля, а не дешевый овчинный. Считалось таким образом, что оно почти новое. В нем я выходила замуж, но свекровь однажды назвала меня нищенкой, что сразу испортило все отношения. Мало того, что я стала в этом доме почти домработницей, ко всему прочему совершенно разочаровалась в своем муже.

Виктор, выросший в сравнительно обеспеченной семье и не столкнувшийся никогда с подлинной нуждой, к двадцати пяти годам оказался не способен найти себя. Кроме са-

моуверенности, у него ничего не было за душой. Переходя с одного места на другое, он так и не смог найти работу, обеспечивающую свою семью материально, и мы жили на средства общего семейного бюджета. Свекрови не нравилось, что мои родители не могут помочь мне материально, особенно тогда, когда родился ребенок, и начались скандалы. К тому же муж начал мне изменять. В город после долгого отсутствия приехала его школьная любовь, и он начал с ней не только встречаться, но и оставаться у нее на несколько дней. Вот этого, живя в чужом доме, я уже не смогла вынести. После нескольких лет жизни я побежала из этой квартиры без оглядки, оставив все, как есть, без малейшего желания вспоминать этот период времени. Жизнь со свекровью научила меня ценить собственную свободу. Самым положительным моментом замужества стало то, что у меня был сын.

Шоком для родителей были найденные у меня сигареты. Я их прятала под матрасом кровати, на которой спали мы с сыном. Так я стала почти проституткой. Прошло много лет, пока они смирились с моим курением. Пожалуй, это произошло после смерти отца. Мама поняла, что я буду ее основной опорой, несмотря на то, что у нее были другие дети.

Работы не было. По большому благу нашлось место лаборанта на очистных сооружениях в трех километрах от города. Начальник отдела кадров крупного предприятия, мама моего одноклассника, ставшего военным, сжалилась надо

мною и устроила на работу, а потом помогла встать на очередь на квартиру. Мне нужно было со временем получить собственное жилье. Это было моей самой главной целью.

Не было мест в детском саду для моего сына. Несколько месяцев он провел под присмотром моих родителей, пока профком предприятия, на котором я работала, не выделил мне место для ребенка в детском саду. Так потихоньку стала налаживаться моя жизнь, и когда неожиданно приехал мой бывший муж, чтобы забрать меня с сыном обратно, я отказалась. Здесь я была в большей надежности, чем в чужой семье, пусть и с виноватым мужем.

И пришлось же мне тогда потрудиться, Семья состояла из шести человек. Два младших брата учились в областном городе в политехническом институте, приезжали домой на выходные дни, привозили с собой гору своего белья. Мама работала вахтером, и когда я вернулась в свой дом, взяла на себя всю домашнюю работу, кроме походов в магазин. Это я просто ненавидела, особенно стояние в очередях за всем, что было дефицитом: хлеб, сахар осенью, да и вообще не любила любую очередь, крадущую от жизни драгоценное время. Его и так не хватало. Два раза в неделю, в среду и субботу, занималась стиркой белья. Это делать просто, когда есть все условия или машина-автомат. А мне приходилось сначала наносить воды с колонки, потом топить печь, наставив на плиту кастрюли и большой чугунок, для того, чтобы вода быстрее грелась, и стирать белье в машине, стоящей у печ-

ки, чтобы было меньше лишних движений. Каждый раз было две корзины выстиранного белья. Вылив воду из машины на улицу, я шла с корзинами на речку для полоскания. Весной, летом и осенью несла корзины на коромысле, а зимой возила на санках, укутав их ватником, чтобы белью не замерзло. Не очень далеко от дома были колодец и речка, в ста метрах от колодца стоял дощатый домик, в котором было две колоды для полоскания белья, куда ходили со всей округи. Считалось, что тебе повезло, если очереди не было или кто-то уже заканчивал полоскание белья. Зимой, надев толстые резиновые перчатки, нужно было торопиться, потому что пар, поднимающийся от воды и теплого белья, был вреден для горла, и я начинала постоянно простужаться и болеть ангинами. Дома замороженное белье в корзинах оттаивало, утром до работы я снова его отжимала и успевала развесить на вышке, где оно вымораживалось еще несколько дней. Летом все было проще и быстрее, но добавлялись грандиозные стирки дорожек, одеял, других крупных вещей. Хорошо еще, что это не приходилось возить на реку на тачке, как это было во времена моего детства. Предварительную стирку я делала на доске у большого котла с водой в огороде после крупных дождей, когда он набирался полный, а полива грядки можно было не делать несколько дней. Вот так и становятся рациональными в зависимости от капризов погоды и природы.

В субботу утром я занималась уборкой дома. Отец перешивал старые меховые вещи, мусора и волос накапливалось

много, нужно было тщательно хлопать все половики, наносить воды, мыть пол, сени, летом – тротуары. В воскресенье с утра был поход в баню, а потом нужно было готовить еду на гостей. Родители любили, чтобы дети, которые жили в городе, приходили к ним на обед. Иногда собиралось за столом до шестнадцати человек. Малыши бегали, прыгали на кроватях, лазали на печку. После всего этого я мыла посуду, наводила порядок. Летом – огород с сорняками, поливкой. Это был какой-то заколдованный круг тяжелой домашней работы, из которого не было выхода.

С той поры я не люблю большого сбора гостей в своем доме. Так, не больше пяти-шести человек, и только в день рождения.

Мама уважала людей, никогда ни про кого не говорила плохо. К ней приходили такого же возраста старушки, они вскладчину собирали немудреный стол: картошку, соленые огурчики, квашеную капусту. В 90-е годы с пенсией и продуктами было плохо. Бывала и беленькая бутылочка-четушечка.

Вот кто-то с горочки спустился, – запевала мама.

Наверно, милый мой идет.

На нем защитна гимнастерка,

Она меня с ума сведет, – подхватывали подружки-соседки.

Когда я уже получила квартиру, приходила к ней топить печь, но не мешала им по-своему вспоминать свою после-

военную молодость. Во время прихода детей с внуками мама оживлялась, потому что любила молодежь. Рассказывала подросшим внукам о своей жизни, о любви к деду, о жизни парней и девушек в деревне, где она выросла. Иногда они подтрунивали над ней, но не зло, ведь они тоже ее очень любили. Она могла, когда младшие сыновья, став взрослыми, с друзьями собирались выпить рюмочку вина перед танцами, с ними посидеть, отпустить шуточку, спеть песню. Несмотря на трудную жизнь, повеселиться она умела.

После перелома шейки бедра я взяла маму к себе. Летом мы вывозили ее в свой дом, она смотрела из окон на проходящих людей, к ней заходили соседи. Тогда нам потребовалась социальная помощь. Галина, соцработник, которая к нам приходила, сказала, что у нее самые знаменитые в городе старики. Но мне было ее жаль. Она сама со своими подопечными старела на глазах, как будто принимала на себя их болезненную энергетику.

Еще через несколько лет у мамы произошел инсульт. Я тогда взяла отпуск на работе и сидела в ногах на кровати, шевелила ее словами «Не умирай», когда мне казалось, что дыхания почти нет. Однажды она очнулась и прошептала: «Жалко мне тебя, одна будешь». Приезжала бригада врачей, которую вызвала сестра. Их диагноз был однозначным: если пройдет девять дней, а она не скончается, можно оформлять группу. Мама выкарабкалась еще на три года.

Последний год ее жизни стал для меня одним из самых

тяжелых. Сразу после майских праздников мама стала резко сдавать. Она лежала тихая, почти ничего не ела. Не потому, что не хотела, а просто не могла. Ее язык уже не двигался, она не могла проглотить пищу. Только немного бульона, жидкая каша, протертые фрукты. Врач сказал, что это естественный процесс при такой болезни, но ее жизнь зависит от ухода. Невозможно было смотреть, как с каждым днем угасает родной человек.

– Займитесь чем-нибудь. Вы уже не сможете помочь ей, – сказал врач.

Посмотрев на квартиру, которая давно требовала ремонта, я начала его делать сама. Приходила с работы, убирала маму, кормила, если она могла поесть, чистила стены от старых обоев, клеила новые. Шпаклевала щели, красила окна. На потолке кухни и прихожей приклеила плитку. Не трогала только комнату, где лежала мама. Почти три месяца я занималась этой работой. И вот, когда был сделан последний штрих, я подумала: «Я это сделала. Я смогла. Я смогу сделать все, что захочу. У меня достаточно силы воли, чтобы браться за самую тяжелую работу и закончить ее успешно».

В начале августа мама умерла. У нее начался отек легких, поднялась высокая температура, затем начала чернеть одна нога. Она очень страдала.

– У меня есть церковный хлеб. Дай мне его, – попросила она у меня.

Еще из нашего дома я принесла с собой несколько суха-

риков, которые мама взяла в церкви после причастия. Она сказала, что этот хлеб дают, когда человек собирается отходить в мир иной. Я размочила несколько сухариков в воде и накормила ими маму. Наступила кома, а на девятый день она умерла. Гангрена распространялась по всему телу, дошла до груди, но она уже не чувствовала ничего. Последние сутки я сидела рядом с ней неотлучно, гладила ее по руке, лицу, говорила ласковые слова. Иногда мама стонала. Последние вздохи были особенно тяжелыми. Умерла она в воскресенье, полпервого дня. Я вызвала врача, позвонила родным. Скоро все приехали, так как знали о близком конце.

Как ни было трудно мне все эти годы, одно я поняла ясно: «Бог дал мне счастье ухаживать за своей матерью. Кто-то может и хотел бы этого, но не случилось. Ничего, что последние годы ей пришлось провести в постели. Но она видела ласку и внимание своих детей, ощущала их заботу. Значит, не зря она родила и воспитала шестерых детей, прошла через тяжелый труд в жизни, страдания. Пусть так, но ей вернулась от-данная детям любовь».

Глава 3

Вторую треть жизни человек создает карму своим детям

Самые лучшие детские годы сына я провела с ним вместе. Утром мы шли в детский сад, обсуждая все, что видели на дороге. В садике была ночная группа, и почему-то он каждый раз стоял у забора и плакал: «Мама, ты заберешь меня

сегодня?». Видимо, среди детей шли свои разговоры о родителях и ночевках в саду. Все ребята с его группы плавно перешли потом в первый класс, и они дружат до сих пор.

Не каждый год, но мы ездили на море. Живя в небольшом провинциальном городке, несмотря на отсутствие рядом отца, я старалась сделать его детскую жизнь насыщенной. Мы ходили в музей, кино, детский парк. Правда, развлечений в нашем маленьком городе для детей в то время почти не было. Плохо было даже с детской одеждой.

В младших классах иногда я отвозила его на месяц к родственникам в Нижний Новгород. Дед, бывший муж и его сестра ждали его в гости, покупали красивую одежду, баловали. Он ходил в футбольную секцию на стадионе, каждое лето ездил в пионерский лагерь, где был капитаном команды. Рос общительным, дружелюбным. Правда, учился неохотно. С нами родители не занимались школьными уроками, мы все делали без напоминаний. Сыну приходилось давать подзатыльники за тройки.

Он пошел в первый класс, когда я впервые поехала за границу, в Венгрию и Югославию. Полгода копила деньги на путевку, шила наряды. В городе Чоп, недалеко от границы, нас посадили в огромный «Икарус», и мы начали путешествие по Венгрии. Группа была разной по возрасту. Я познакомилась с одной девушкой, её звали Анной; когда в гостиницах размещали по двухместным номерам, мы всегда выбирали друг друга. Мы были с ней разных сословий. У нее

отец – доктор наук, и вообще семья очень интеллигентная. Я в сравнении с ней была совсем простушка, только с претензией на вход в такое общество. Анну все мужчины просто «глотали» глазами, такая она была красавица!

Все вызывало интерес, с самого начала, как только переехали границу. Будапешт, столица Венгрии, произвел огромное впечатление. Город необыкновенной красоты. Какие дворцы, мосты! Была экскурсия на день на озеро Балатон. Там виллы, яхт-клубы. В общем, отдых для очень богатых. Но мы тогда этого не чувствовали. Может, потому, что были молодые. А еще тогда у нас практически не было сверхбогатых, не с кем было сравнивать. В одном из совхозов нам дали в дорогу несколько ящиков огромных красных яблок.

Гидом у нас был венгр Лангош в возрасте около тридцати лет, черноволосый, довольно симпатичный. Очень живой и энергичный, несмотря на брюшко. С нами Лангош общался как с группой туристов из Советского Союза, самой «кэгэбэшной» страны мира. Он ухаживал за Анной, они проводили много времени вместе, думаю, она сумела узнать о Венгрии гораздо больше, чем мы. Но настоящей удачей в поездке я считаю то, что однажды наш гид в десять часов вечера зашел в номер и пригласил нас в один из лучших ночных баров Будапешта – «Мулен Руж». Если бы не его роман с Анной, мне бы никогда не удалось посмотреть такое заведение.

Ему пришлось взять руководителя делегации и его женщину. С нами увязались еще два парня из нашей группы, но

это к лучшему – они потом внесли большую часть денег в оплату счета. Вообще руководитель был, наверное, из КГБ. Все время говорил: «Группа, построиться!» Только не говорил «Смирно». Его все не любили и звали за глаза не иначе как «кэгэбешник». Ребяток молодых было много, в отпуске, хотелось флиртовать. Для чего такая поездка, если не заняться в ней любовью? Конечно, большинство женщин ехали за тряпками. А мужики, грубо говоря, «сгульнуть». Впервые оказавшись в ночном клубе, мы с интересом осматривали интерьер. Все было из красного бархата: кресла, портьеры. В зале неяркий рассеянный свет. Вокруг сцены полукругом стояли столики с креслами, там уже сидели хорошо одетые молодые и не очень мужчины с очаровательными спутницами в вечерних платьях. Свет от свечей, стоящих на столиках, жидким, дрожащим золотом играл в высоких бокалах с вином. Шикарные туалеты дам, запахи модных духов, негромкая музыка оркестра – все это образовывало картину интимной роскоши. Помню, как одна танцовщица подошла к молодому человеку в первом ряду кресел и поставила ногу в туфельке на высоком каблуке ему на колено, а он положил ей купюру за резинку тонкого черного чулка. «Это будет ей дорого стоить», – сказал наш гид.

– Почему? – на наш вопрос он в ответ только улыбнулся.

Мы пробыли в баре до трех утра. Когда вышли на улицу, ночной Будапешт был полон людьми. Дамы с кавалерами садились в такси, гуляло очень много молодёжи. Несмотря на

поздний час, работали кафе на улицах, и большинство столиков были заняты. Лангош с Анной куда-то скрылись. Руководитель группы не стал поднимать по этому поводу шума.

Через несколько дней группа приехала в Санбатхей, красивый и светлый город на границе Венгрии с Югославией. Идеальная чистота, свежий воздух с гор. В холле гостиницы часто попадались мужчины в охотничьем снаряжении. Это были богатые немцы и австрийцы. Они приезжали сюда на несколько дней, специально для охоты на оленей. В ресторане таких посетителей обслуживало два человека: официант и метрдотель. Обычно подкатывали столик с разными блюдами, на котором была и горелка, так что некоторые блюда готовили прямо у них на глазах и подавали на стол с огня. Для русских туристов это все было внове, и мы смотрели на эти действия во все глаза.

Дорога в Югославию шла через горы. Где-то вдалеке была Австрия. По долине, наверное, ходили крестьяне в национальных костюмах и тирольских шляпах. Я пообещала себе, что обязательно там побываю, и через несколько лет, взяв круиз по Дунаю, три дня провела в этой чудесной стране. Однажды, поднявшись по узкому горному серпантину особенно высоко, мы попали в густое облако, и водитель ехал очень осторожно; его сменщик сидел рядом. Водители были опытные и дорожили своей работой, за которую получали валюту. Вели себя с женщинами, которых в группе было большинство, скромно. Наверное, у них в контракте было оговорено,

что они не имеют права флиртовать с туристками.

В Югославии первым городом, в котором была остановка, стала Любляна. От венгерских городов она отличалась другим качеством жизни. Пешеходы шли элегантно одетые, в деловых костюмах; в одежде преобладали светло-коричневые, бежевые и светло-серые тона – тона элегантности не только для женщин, но и для мужчин. Следующим пунктом шла столица Боснии и Герцеговины – Сараево, мусульманский город в горах.

В Белграде была экскурсия в галерею фресок. Сербия славилась своими древнейшими фресками. Сербские монастыри – каждый из них сокровищница живописи девятого, десятого, одиннадцатого веков хранили тысячи квадратных метров фресок, а копии их находились в обширной галерее. На копиях все было воспроизведено так, как в жизни: дождевые подтеки, белесое или темное пятно от сырости, отвалившийся кусок штукатурки – все, до последней мелочи. Смотришь, и не верится, что это только бумага. После Белграда группа вновь отправилась в путь по горам.

Наконец главный перевал был преодолен, дорога пошла вниз, и вскоре можно было увидеть Адриатическое море. Здесь всех ждал отдых несколько дней в Апатии, считающейся жемчужиной среди курортов побережья. Изумрудное море, чистейшая вода, расслабленность, присущая бархатному сезону, когда уже нет того горячего быстрого отдыха, который бывает в самые жаркие месяцы, позволяли наслаждаться-

ся покоем и отдыхать после трудной дороги. Вечером в ресторане собиралось много туристов из разных стран. На столах горели свечи, в центре зала на белом рояле играл молодой музыкант. Мелодии были незнакомыми, но такими чарующими, что все отходило куда-то в глубокую даль, переставало существовать. Казалось, в зале были только двое: он, этот незнакомый красавец за роялем, и женщина, ожидающая чуда взаимной любви. После таких романтических ужинов молодежь уходила на дискотеки, где можно было танцевать до утра. Была и поездка в Сплин, городок, стоящий на море, южнее Апатии, недалеко от Италии. Здесь уже ощущалось присутствие Средиземноморья. На набережной росли высоченные пальмы. Казалось, что ты находишься на северном берегу Африки, в Египте, а море вокруг – другое. Удивительные ощущения.

Все рано или поздно заканчивается, подошла к концу эта поездка. Сопровождающая группу от Любляны гид-женщина уехала домой, в Белград. Там у нее были муж и дочь четырнадцати лет. Ее муж был известным архитектором-дизайнером, работал по оформлению ландшафтов крупных правительственных зданий в разных городах Европы и Африки. Несмотря на то, что она была финансово обеспеченным человеком, она периодически в качестве переводчика ездила с русскими группами, сопровождая их по Югославии.

Сыну я привезла тогда много красивой одежды, несколько пластинок жвачки, которую он раздавал своим школьным

приятелям. Думаю, что они ему завидовали. Никто из родителей друзей за границу не ездил.

Через несколько лет, наверное, от беспросвета домашней работы я уехала учиться в Высшую партийную школу. В то время я работала в парткоме предприятия, зарплата только начала меня устраивать, но долгое ожидание очереди своей собственной квартиры заставило меня принять такое решение.

Мне часто снился один страшный сон: я иду в тумане с двумя мужчинами: один молодой, высокий и худой, другой – среднего возраста, очень плотный и сильный. Одеты все, как в военное время, в ватники и солдатские сапоги. Мы подходим к реке, стоит поздняя осень, по реке плывет шуга. Она скоро станет, но нужно перебраться на другой берег, а лодки нет. Река широкая, но не очень глубокая. Нам приходится идти сначала по пояс в воде, затем – по грудь. Наконец мы перебираемся на другой берег, совершенно без сил.

Следующие сны были связаны с весенним половодьем. На берегу стояла лодка. Сильного разлива воды еще не было, по реке плыли льдины, и тот мужчина, который был старше, сидя в лодке, осторожно раздвигал руками льдины, чтобы можно было переплыть на другой берег. Лиц у мужчин нельзя было разглядеть. Кто был этот добровольный помощник, я не знала, только чувствовала его уверенность и защиту.

Сумасшедшее перестроечное время катком прошлось по целому поколению, не только по моей судьбе. После окон-

чания партийной школы я вернулась на предприятие. Начались всевозможные собрания, посвященные «демократизации» общества, критике всего и вся. На отчетном партсобрании редактор многотиражки выступила с анализом моей работы, сказала, что я «...и по жизни живу, не как нужно». Что она этим имела в виду, я не знаю. Но по итогам голосования я в партком не прошла. Это были смешные семнадцать голосов против моей кандидатуры в бюллетене. Но когда у всех нет против ни голоса, ясно, что ты не проходишь, и работа на освобожденной ставке тебе не светит. Защитил горком партии, взял в свой штат, и год я маялась в неопределенности, потому что партия КПСС сходилась на нет. Улюлюканья в организациях и на предприятиях при нашем виде не было, но верх брали демократы, партия распадалась, штат сокращался, первой из аппарата уволили меня, как «пришельца», чужака. Так я стала безработной. Хорошо еще, что сын Кирилл уже ушел служить в армию, уехал далеко, в Забайкалье, в погранвойска, и не знал об этих моих перемещениях и поворотах судьбы. Откуда они только взялись, новые демократы?

Мэр города Ковалев, возникшая новая должность, лет десять назад директорствовал в поселковой школе, разбирал конфликты педагогов из-за «часов» и классного руководства, отчитывал на педсоветах двоечников и прогульщиков. Но вот удача пару раз повернулась к нему лицом, и он очутился в администрации. Когда талантливые люди уезжают из города, остаются те, кто слабее, но именно они потом при-

ходят к власти. В перестройку так вышло, что на ключевые посты в городском руководстве не оказалось никаких кандидатов, кроме Ковалева. Сначала он не знал, как вести себя на этом посту. Считал, что в его подчинении люди с той же психологией – психологией педагогов-стажистов, которых лучше не трогать, и с психологией двоечников-прогульщиков, которых просто нужно вызвать и отчитать, как на педсовете. Других психологий он не знал. Он всё отчитывал и воспитывал подчиненных. И боялся, что кто-нибудь из прибывших с проверками из области увидит, что в кресле мэра по недоразумению сидит всё тот же директор поселковой школы, и его с позором выгонят из кабинета и вообще из этого здания – Серого дома.

Когда тебе смотрят в рот и боятся сказать лишнее слово – это меняет человека. Так стал быстро меняться и мэр, его вечная настороженность сменилась самоуверенностью. Из-под широкой груди стало расти округлое брюшко. Почему произошла такая перемена? И однажды мне стало понятно. У Ковалева увеличился оклад, появились другие доходы, в разы превосходящие жалование. Он стал воспринимать себя не нанятым работником, а хозяином, окруженным слугами. Отношения с ними проявляются в том, что как бы слуга ни превосходил хозяина, он всего лишь пьедестал, благодаря которому хозяин становится выше, сильнее, умнее. Слуги воздвигают этот пьедестал добровольно, многие с любовью и обожанием. Беда в том, что в присутствии хозяина слуга

никогда не сможет показать всех своих достоинств, да и хозяин не сможет их оценить полностью.

Заведующий орготделом горкома партии возглавил комитет по имуществу новой администрации. Многолетняя дружба связывала его с руководителем исполнительного органа. По истечении третьего месяца моего вынужденного безделья они пригласили меня и предложили место специалиста в отдел по трудоустройству горисполкома. В старом здании, в комнате, которая никогда не знала ремонта, а окна не открывались и не мылись, начала я свою новую трудовую жизнь. По-моему, мы с еще одним работником тогда ничем не занимались, только высиживали время. Для моей кипучей натуры это было невыносимое безделье, а новое место работы после горкомовских кабинетов показалось клоакой.

Через пару месяцев вышел закон «О занятости» и была создана соответствующая структура. В областном центре, конечно, отвели под эту службу хорошее здание в центре города, нам в этом же здании дали дополнительно два кабинета. В нашей комнате разместился новый руководитель, бывший партийный секретарь одного совхоза, в двух других расширенный штат новой службы. Появился юрист, друг начальника. Вечерами они вместе проводили время с крепкими напитками, вынашивая далеко идущие планы.

Потянулись люди, поток безработных стал увеличиваться, как снежный ком. Работы в городе не было, но нужно было их посылать на какие-то вакансии, и после отказов ста-

вить на учет, как безработных, для получения ими в дальнейшем мизерного пособия. Через три месяца, если работа не находилась, пособие снижалось. Каждую пятницу, когда все стремились быстрее уйти домой, директор устраивал по партийной привычке итоговые совещания с планами работ на следующую неделю. Что бы могли планировать для новых безработных? Информации никакой не было. В то время не было компьютеров, Интернета, все на уровне слухов, телефонных звонков. Я начала получать первые замечания по своей работе за то, что признавала безработными тех, кто мог бы уходить на места, не соответствующие их образованию или прежнему опыту работы.

Из армии вернулся сын. Не прошло и двух месяцев, как он сообщил, что женится. Тогда я и увидела в первый раз его будущую жену Машу. Они сидели на диване в гостиной, она юная, ей не было восемнадцати, худенькая, темные волосы на затылке в незамысловатом хвостике. Я забыла, как мой бывший муж представлял меня своей матери и говорил о будущей женитьбе. Сейчас я сама была против. В городе безработица, он только из армии, устроился с огромным трудом на работу грузчиком на то предприятие, где работал до армии. Она работала нянечкой в детском саду, училась заочно на бухгалтера.

– Маша беременная, у нас будет ребенок, – сказал сын, и мне пришлось согласиться с женитьбой.

– Ладно, женитесь, – сказала я. – Но у меня жить нельзя.

Вторая комната должна быть свободной. Мама старая, в любой момент я могу ее взять к себе.

– Наша бабушка согласна, что мы будем жить у нее, – робко произнесла Маша.

У меня совсем не было денег на свадьбу. В центре занятости платили гроши и не вовремя. Маме пенсию не давали месяцами, она была мизерной. Кто-то начал делать деньги на поездках в Польшу, Финляндию. Занятия торговлей я считала низким занятием, недостойным для идейной дамы. Пришлось переступить через себя, свои принципы. Узнала, что знакомые собираются в шоп-тур в Финляндию за тканями. В магазинах были пустые полки, а женщинам наряжаться все равно хотелось. Оттуда привозили дефицитный по тем временам трикотаж.

Уметь шить и вязать всегда было жизненно важно. В постсоветские времена по сравнению с бывшими дефицитными ничего не изменилось. В начале 90-х чаще не шили, а перешивали: ткань для новой одежды тоже нужно было доставать. Практика перешивания старых вещей была простой: мамино платье становилось мини-юбкой, старые индийские джинсы превращались в юбку-карандаш, а ненужный платок – в жилетку. Я сама распускала вязаные вещи: пряжу расправляла паром, снова сматывала в клубки, ее можно было пускать на новый свитер. Короткие нитки связывались узелками, такая была экономия.

Нужно было набрать русского товара для этой поездки в

Финляндию. Не все еще вывезли «челноки», что делали во-
яжи в Польшу. Туда провозили блок сигарет и 2 бутылки
водки, разные электротовары. Проезжали 10 км на чужую
территорию, продавали, и за ходку зарабатывали 10-15 дол-
ларов. Еще торговали слитым из бензобаков горючим. Из
Польши привозили футболки, джинсы, куртки, бытовую тех-
нику. Это были китайские товары не самого высокого каче-
ства.

Для Финляндии это ассортимент не подходил. Можно бы-
ло взять с собой блок сигарет, поделки из дерева, народ-
ные промыслы, льняные или вышитые салфетки и полотен-
ца. Ценилось кружево. Правда, оно и у нас стоили недешево.
Брали с собой то, что было дома и имело товарный вид. Бу-
тылка водки 0,7 л стоила 100 финских марок. Я взяла боль-
шую хрустальную пепельницу, ее забрали на таможне. Хру-
сталь нельзя было ввозить. На таможне к нам относились как
к аборигенам впервые открытых островов где-нибудь в Оке-
ании. Да и мы всего боялись. Руководитель группы сказала,
чтобы мы ни с кем не спорили, подчинялись безотказно. В
Хельсинки на площади, расположившись на каких-то длин-
ных столах, мы молча выкладывали свой товар. Немолодые
финны подходили, что-то брали, что-то откладывали в сто-
рону. Мы не были первыми, цены уже сложились.

Ближе к границе были построены огромные ангары-су-
пермаркеты для русских туристов, где можно было на выру-
ченные деньги взять какой-нибудь товар. Я сумела купить

тук трикотажа и тук плащевой ткани. Она тоже была дома в дефиците. С тяжелым грузом, возбужденные от поездки, мы возвращались в родной город. Правда, одному нашему туристу не посчастливилось побывать в этой стране. В гостинице, где мы расположились перед поездкой, он принял так много спиртного, что мы не могли его поднять на ноги. Пришлось его оставить, а на обратном пути притихшего забрать домой. Представляю, что ему сделала жена после этой поездки, на которую она, как все, возлагала большие надежды.

Тканью где-то надо было торговать. Что-то я продала на своей работе, остальное понесла на предприятие, которое было родным. В то время не возбранялось располагаться с товаром в холле управления, в зале заседаний. Так у меня разобрали все ткани. Сумма, которую я выручила от поездки, оказалась достаточной для проведения свадьбы сына. У меня даже кое-что осталось. Но этот шоп-тур был жесткой необходимостью, больше я никуда не ездила. Марки, которые выдали как НДС за товар на границе, я продала следующей группе.

В центре занятости директор с юристом начали ко мне придирааться. Удивительно, за короткое время у меня образовалось четыре выговора за работу, два простых и два с занесением в личное дело. Остальные сотрудники наблюдали, никто не вмешивался. Набрали штат из родственников, друзей, образования никакого. Они были счастливы, что работают в госструктуре. Я не могла вынести такой несправедли-

ности и подала на них в суд. Вопрос изучала заранее, проконсультировалась с юристом. Вроде, правда была на моей стороне. Суд шел два дня, редкий случай для такого разбирательства. Два выговора с меня сняли, два оставили. Позже я узнала, что судья и наш юрист были соседи по даче. Удивительно еще, что с меня сняли два выговора.

Создался прецедент для такой структуры. Я решила, что обратно в центр занятости уже не вернусь. Что-то нужно было делать. Мой одноклассник работал участковым врачом, знал о моем низком давлении и аритмии, на три недели выписал больничный лист. Больше с этой болезнью было нельзя.

Миллионы лет природа создавала четкий механизм выполнения разных метаболических процессов одновременно. Передвижение органоидов осуществлялось при помощи так называемых микротрубочек, служащих внутриклеточными «дорогами», и специальных белков, играющих роль «двигателей». Отдельные белковые молекулы также не диффундировали свободно по всему внутриклеточному пространству, а направлялись в необходимые отделения клетки при помощи специальных сигналов на их поверхности, узнаваемых транспортными системами клетки.

Мне такой организации порядка, как в живой клетке, можно было только позавидовать. Я снова попала в поток, понесший дальше по реке жизни, находилась в водовороте обстоятельств, мне не неподвластных. Как будто я песчинка,

или самая малая единица всего живого на Земле, клеточка с ядром-сердцем и крохотными вкраплениями. Моя жизнь была секундой в этой бесконечности, судьба вела меня своей транспортной системой. Мне только следовало прислушаться к сигналам изнутри, чтобы не отклониться от курса. Сложнее это или проще, чем изученные процессы клеточных механизмов, могло показать только время. Но как в цитоплазме клетки идет перемещение различных веществ, объединение клеточных структур, создается давление, без которого теряется форма, так и мне невозможно было жить без тонуса и продвижения вперед.

Я пошла к директору своего родного предприятия. Им стал бывший секретарь парткома. Устроился хорошо, не то, что некоторые. Что делать, мужикам везет. Сказала ему, что у меня критическая ситуация. Мне повезло, что после ВПШ я вернулась на свое предприятие, сохранив очередь, успела получить двухкомнатную квартиру, собственное жилище, до начала перестройки. Сейчас предприятие перестало строить жилье, начало сокращаться, как шагреновая кожа.

– Мест нет, – сказал он. – Сокращение кругом во всех отделениях.

– У вас секретарь уже год работает на пенсии. Возьмите меня на ее место, – сказала я настойчиво.

– Она здесь лет тридцать, пережила нескольких директоров. И как об этом сказать?

– Как всем говорят. Предложите уйти, скажите, что она

пенсионерка.

Не знаю, как он решил это вопрос, но через две недели позвонил и сказал, чтобы я приехала и написала заявление о переводе. Для его секретаря это стало полной неожиданностью. Она сначала ушла дежурной на вахте, потом совсем уволилась. Когда я вернулась в центр занятости с заявлением об увольнении переводом, директор побелел лицом, но подписал все нужные бумаги. Все бывшие партийные секретари в городе еще общались по старой привычке, мой стал директором крупного предприятия, ссориться с ним не было резона.

Перед Новым годом директор представил меня как нового секретаря. После партийных структур это была вроде невысокая должность, но они не знали, через что мне пришлось пройти, чтобы получить эту работу.

Я не раз встречала позже эту женщину, чье место заняла. Она перестала на меня смотреть, здоровалась сквозь зубы. Ее муж был замдиректора на одном из заводов в городе, на пенсии она могла совсем не работать, а у меня без работы не было других средств для существования. Как было попросить у нее прощения? Она бы меня не поняла. Позже я посмотрела свою трудовую книжку. Оказывается, я проработала в центре занятости только девять месяцев, а показалось, что несколько лет. Но закон бумеранга никто не отменял. Мне не дали отработать ни одного дня на пенсии.

Глава 4

Я была секретарем в приемной директора. Легко сообразить, что первое требование к секретарю – отсутствие лишних амбиций. У нормального секретаря не могло возникнуть и мысли, что выполнять распоряжения руководителя униженно, что начальник ее эксплуатирует или можно пренебречь своими обязанностями из-за расстроенных чувств. Мысли должны быть сосредоточены не на внутреннем состоянии, а на работе. Второе по важности качество – интеллект. Правда, не все руководители им интересуются.

По жизни у секретарей в больших компаниях реальная жизнь далека от киношной. В экранной картинке – глуповатые красотки сидят себе перед дверью директора, пилочкой правят ногти, иногда что-то печатают, но чаще сплетничают по телефону с подружками. В крупной фирме все наоборот. Следующий рабочий день начинается еще накануне вечером с подготовки для директора всех документов для просмотра и подписи, обсуждения планов на следующий день и некоторых – на перспективу. Утром – просмотр всех подписанных бумаг, некоторые сразу выдаются руководителям, пришедшим на планерку к директору, а во время этой планерки – остальным сотрудникам. Сразу утром нужно сделать необходимые звонки, отправить факсы, электронные письма. Потом идут совещания, посетители. И постоянные просьбы сделать чай, кофе.

Особенно утомляли меня телефонные звонки. В целях экономии денег на оплату телефонной связи установили

офисную АТС, в которой переключение входящего вызова на любого абонента станции или на внешний номер было только частью моих функций. Фактически я стала секретарем-телефонисткой с постоянным переключением входящих звонков с прежней зарплатой. Остальные обязанности никто не снимал, но руководители старались не замечать моей усталости, которая накапливалась к вечеру, и часто именно в конце рабочего дня нагружали каким-нибудь срочным поручением, и его нужно было выполнить его с улыбкой.

Несмотря на трудности, которые появились с новой должностью, каждое утро перед выходом на улицу я смотрела на себя в зеркало и, улыбнувшись, говорила: «Я все смогу!» – и отправлялась вперед, завоевывать мир в этот день. Ведь я шла на работу, которая открывала целое море новых впечатлений, встреч, знакомств, где я была самый незаменимый и нужный человек и где, как я считала, меня всегда ждут.

Я любила приходить рано, когда никого нет в приемной, приводить себя в порядок. Нужно было выглядеть на все сто процентов. Я была тогда шатенкой среднего роста со стильной прической, округлыми линиями щек, небольшой рот в легкой улыбке, серые глаза с длинными ресницами. Фигура была стройной, а высокие каблуки придавали походке грациозность. В одежде был деловой стиль, нужно было сразу задавать тон общению. Все должны знать, что разговаривают с деловой женщиной. И все равно, я это знала, я выглядела очень сексуально, и многие мужчины не спускали с меня

глаз, когда я работала.

Однажды в приемной весь день провел один молодой француз, ожидающий коммерческого директора, запаздывающего после посещения своих многочисленных предприятий. Он неплохо говорил по-русски.

– Где вы так хорошо выучили русский язык? – спросила я француза, когда угощала его кофе.

– В Москве.

– Я вот английский никак не освою. Нет практики.

– Английский вообще не проблема. В Европе это основной язык. Языки нужны для бизнеса.

В небольшой перерыв я успела вымыть чашки из-под кофе и тщательно их протирала в укромном уголке.

– Я завидую вашему шефу, – с приятным акцентом сказал француз. – У него такая активная секретарша.

– Благодарю вас за комплимент. Жаль, что его не слышит мой руководитель. Иначе ему пришлось бы добавить мне заработную плату.

Зарплата была большим местом в жизни. Ставка секретаря была одной из самых низких среди специалистов.

Говорят, что можно дать счастье окружающим, своим родным, если счастлив сам. У меня было много счастливых минут и часов, целых дней. И связаны они были с одной необычной для наших мест любовью. Через несколько лет после начала работы на предприятии я стала практически своей для управленцев. В один из зимних дней, когда

ждешь-не-дождешься окончания работы и чаще, чем обычно смотришь на часы, раздался звонок прямой связи с директором. Шеф попросил зайти к нему. С ручкой и блокнотом я зашла в его кабинет.

– Звонили из концерна, – директор встал из-за своего стола и подошел к окну. – Завтра мы ждем представитель немецкой фирмы. Коммерческий директор одной немецкой компании, выходящей на российский рынок, приедет для знакомства с нашим предприятием. Возможно, впоследствии с ними будет заключен долговременный контракт. Он будет с переводчицей, женщиной. Сделай необходимые приготовления для приема гостей в офисе и банкетном зале, закажи гостиницу. И продумай все вопросы с транспортом.

– Хорошо. Обед на семь человек?

– Да, – ответил директор, – в маленьком зале.

Позже водитель директора принес в холодильник напитки, соки, фрукты и необходимый запас продуктов для бутербродов, которые могли пригодиться, если беседа окажется долгой.

На следующее утро появление в приемной делегации слегка разочаровало. Самым представительным в этой компании был наш руководитель отдела ВЭС. Вместе с ним вошла уже немолодая женщина. У нее было круглое лицо, живые черные глаза, короткие волосы пепельного цвета. Одета она была в меховой жакет из серебристой чернобурки, прямую черную юбку, туфли на толстой подошве. Как-то очень скром-

но рядом с ними стоял мужчина среднего роста в длинном темно-синем пальто, без головного убора. Волосы темные, коротко стриженные. В руках – чёрный кейс из качественной кожи. И все же незнакомец привлекал к себе внимание. Несмотря на зимнее время, у него было очень загорелое лицо. Ярко-голубые глаза притягивали. И его взгляд – умный, полный энергии. Ко всему прочему, он улыбался. Когда он снял пальто, я обратила внимание на сильное подтянутое тело. Я уважала мужчин, которые имели астеническое и в то же время спортивное сложение в любом возрасте. А этот человек не должен быть очень молодым – ведь он коммерческий директор.

Вообще за рубежом большинство мужчин следят за своим весом, – подумала я. – Вот в Америке, если генерал имеет хотя бы на один килограмм больше положенного его росту веса – значит, ему нужно подавать в отставку. А наши генералы, похоже, не вылезают из-за стола с едой.

По собственному опыту я знала, что следить за своим весом нужно каждый день, с детства. Это трудно только сначала, позже входит в привычку и становится образом жизни. Как бы то ни было, у любого встреченного мною не самого молодого человека стройное тело говорило, что в чем-то наши пристрастия совпадают.

Переводчица, которую звали Татьяна, представила секретарям немецкого партнера. Имя было типичное для немцев – Эрих. Он назвал себя и протянул для приветствия руку,

глядя прямо в глаза. Его улыбка и приятное выражение лица были наверняка стандартным проявлением вежливости.

Я произнесла несколько приветственных фраз на немецком языке, которые специально выучила, и предложила гостям раздеться. После этого зашла в кабинет директора и доложила о приезде делегации. Тот распорядился пригласить технического директора и главного инженера. Разговор продолжался в течение двух часов, переключение звонков директора шло на секретаря, поэтому я была очень занята все это время. Еле слышный звук отодвигаемых стульев в кабинете означал, что совещание подошло к завершению, и скоро все выйдут. Прошло несколько минут. Когда участники встречи вышли в приемную и оделись, Эрих поблагодарил меня за кофе и попрощался.

– Вот и все, – подумала она. На этом моя миссия закончилась. – Как он тебе понравился, этот Эрих? – спросила я помощницу главного инженера. – Зовут, как писателя Эрих Мария Ремарк. Может, назвали так в его честь.

– С виду не скажешь, что коммерческий директор фирмы. Наши коммерческие директора такие солидные, – ответила она.

– Лишний вес ничего не значит. За границей, наоборот, большинство следит за своей фигурой: не переедают, занимаются спортом. Мне кажется, что даже мозги лучше работают, когда нет этого лишнего веса, – сказала я коллеге и мы прекратили разговор.

К концу рабочего дня неожиданно приехал заместитель губернатора области. В таких случаях рабочий день секретаря становился длиннее, потому что возникала необходимость связи с другими лицами, имеющими отношение к организации или гостю. Я освободилась к девяти часам вечера. Хотелось только одного: быстрее попасть домой. Я устала, и еще очень хотела есть. Пара бутербродов с ветчиной, которые оставила себе, готовя небольшой стол для гостей директора, не заменили мне ужина. Возле управления стояла всего одна служебная машина – микроавтобус для гостей. Водитель – немолодой уже мужчина, с которым у меня были хорошие отношения, тем более что он был в штате отдела – всегда по моей просьбе выполнял любые поручения, и сейчас я на него рассчитывала.

– Степан Геннадьевич, не отвезешь меня домой? Это быстро. За двадцать минут успеешь вернуться обратно.

– Мне приказали никуда не отлучаться. Гости уже давно ужинают. Вдруг они скоро поедут, а машины нет?

– Хорошо, я сейчас схожу и узнаю. Если разрешат, тогда вернусь, и поедем.

В банкетный зал поздно вечером можно было пройти только с территории комбината. Залов было два: один большой, человек на пятнадцать, и другой маленький, на семь человек. Директор ходил туда на обеды с важными гостями – руководителями городской и областной администрации, крупными клиентами. Я заглянула в малый зал. В углу на

столике стоял магнитофон, играла негромкая легкая музыка. Веселье, как я отметила, было в полном разгаре, и никто не собирался уходить.

Кроме гостей, здесь сидели ещё несколько человек. Начальник информационного отдела, главный инженер, крупный мужчина спортивного телосложения, заядлый охотник и рыбак. О его хобби говорило загоревшее под северным солнцем всегда красноватое лицо. Начальник энергохозяйства, молодой полноватый мужчина, что-то говорил своей сотруднице, инженеру по оборудованию, девушке с милостивым лицом и стройной фигурой.

– Интересно, как она попала сюда? Может быть, просто за компанию? – такая мысль пришла в голову.

Я позвала главного инженера. Он подошел, очень веселый, и попытался поцеловать меня.

– Давайте без шуток. По правде говоря, мне не до них, и я очень устала. Можно мне на машине уехать домой?

Не знаю. Сейчас спрошу у переводчицы.

Татьяна, – Главный инженер обратился к переводчице. – Можно секретаря отвезти домой на машине, прямо сейчас?

Татьяна переговорила с Эрихом и подошла к нам.

– Вот что, дорогие, приглашаем вас к столу, поужинаем, а потом мы ее завезем домой.

Посмотрев на стол, я решила, что от такого ужина грешно отказываться. Все выглядело великолепно и, наверняка, было очень вкусным. Лучшие повара столовой предприятия

превзошли себя. Не зная, что больше придётся по вкусу, они приготовили блюда русской и европейской кухни. Салат из экзотических даров моря, утка с яблоками, пельмени, которые любят всегда, за любым столом, как русские, так и европейцы. «Изюминкой» стола были зажаренные бычьи семенники, необыкновенно вкусные и вызывающие восторг любой компании. Сырокопченая колбаса, швейцарский сыр, красная и белая рыба. Очень много фруктов. Стол украшала ваза с белыми хризантемами. Из напитков были шампанское, виски, мартини, коньяк, водка. Хотя я появилась здесь с большим опозданием, за меня произнесли тост как за нового гостя.

Рюмка коньяка после трудного дня сразу оказала не только расслабляющее, но и возбуждающее действие, и беседа начала приобретать фривольный характер. Во мне заговорил первобытный инстинкт обольщения мужчины. Находясь близко от Эриха, я заметила у него наметившуюся лысину. С Татьяной, переводчицей, у меня легко завязался разговор, и я в шутку сказала, что мне очень нравятся мужчины с лысиной. Она сразу передала эти слова Эриху. Откровенно скучающий гость после этих слов оживился, и в его глазах появился обращенный ко мне неподдельный интерес.

– Интересно, сколько лет нашему гостю? – спросила я у Татьяны.

– Эриху сорок лет, – ответила она.

– Я не боюсь говорить о своем возрасте, потому что знаю,

что выгляжу гораздо моложе. Мне – сорок пять лет, – сказала я.

Татьяна перевела мои слова для Эриха, услышала его ответ и сказала:

– Эрих говорит, что этот факт для него не является значимым. И еще он сказал: «Мужчина всегда должен быть моложе женщины, чтобы доставить ей максимальное удовольствие».

Это были возбуждающие слова, и внутри у меня все вспыхнуло. Предположить, что ему можно понравиться, я не могла: он еще ничем особенным, кроме интереса в глазах, себя не выдал. И все же это был флирт с тайной неуловимой прелестью постепенного сближения мужчины с женщиной.

Разговор неожиданно для меня закончился тем, что Эрих принял мое приглашение в гости. С трепещущим сердцем от неизвестности и того, что я делаю на глазах у всех – увожу к себе домой иностранца, на машине вместе с Эрихом отправилась домой. На ходу главный инженер сунул мне в руки пакет, в котором были шампанское, конфеты и фрукты. Возможно, он решил, что все едут в гостиницу.

Правда, по дороге Эрих мог передумать, но, когда машина подошла к моему дому и остановилась, он о чем-то спросил Татьяну.

– Ты проводишь его завтра утром в гостиницу? – спросила Татьяна.

– Да, конечно, в девятом часу утра, – ответила я. – Маши-

ну не надо. Я не хочу, чтобы об этом знали. Степан Геннадьевич молчаливый водитель, но вызывать его не будем.

– Молодец, – сказала Татьяна. – Люблю смелых женщин. Всего тебе хорошего.

– До свидания.

Татьяна сказала еще несколько фраз Эриху, мы вышли из машины. Эрих дал водителю в качестве презента блок «Мальборо». Было поздно и, к счастью, мы никого не встретили. У меня в доме была репутация порядочной женщины, и мне не хотелось, чтобы соседи видели вечером с мужчиной, идущим ко мне в дом. Хотя еще неизвестно, нужно ли было гордиться своим пуританством. Единственное, чем я смогла бы гордиться всегда – это тем, что в двухкомнатной квартире царила идеальная чистота. Кроме этого, для одинокой женщины с ограниченными средствами комнаты были вершиной роскоши и комфорта. Просторная гостиная с модной в то время мебелью, красно-коричневым ковром. Не очень большая, но уютная спальня: на кровати – стеганое одеяло светло-голубого цвета и покрывало этого тона с восточным рисунком. Такими же были шторы на окнах. Для освещения спальни я включала стоящую в углу на небольшой тумбочке красивую настольную лампу нежно-розового цвета.

Мы разделись в прихожей, и Эрих сразу же поцеловал меня в губы.

– Чай, кофе? – спросила я на английском языке.

– Нет, – ответил Эрих.

– Шампанское? – я достала бутылку шампанского из пакета.

– Да, – Эрих смущенно пожал плечами.

Мы прошли в гостиную. Я достала фужеры, открыла коробку конфет. Эрих умело открыл шампанское, без хлопка и пены.

– Молодец, – отметила я для себя. – Брызги шампанского звучат только в песне, а на деле это мутные подтеки жидкости на столе, которые сразу хочется вытереть.

Я не знала ни одного немецкого слова, кроме тех приветственных, которые выучила накануне, забыла и их, а он – ни одного русского. Мы начали общение на английском языке. К своему стыду, и английских слов я смогла вспомнить немного. Подняли бокалы, медленно начали пить, глядя друг на друга.

– Что я делаю? – подумала я. – Как с ним разговаривать?

– Пойдем в спальню? – я подошла к Эриху и взяла его за руку. Он послушно поднялся.

– Разденемся? – я начала снимать с себя одежду. Эрих тоже стал раздеваться. Без одежды он был гораздо интереснее. В одних плавках, поджарый и мускулистый, он был великолепен. А тело просто светилось от бронзового загара. К тому же он был иностранцем! И он никуда сейчас не уйдет, – ему просто некуда идти, а я буду заниматься любовью с этим мужчиной!

Наверное, после всего ему все-таки удалось уснуть. Но я пролежала до утра, не в силах не прикоснуться к его сильному гладкому телу и изнывая от желаний. Утром близость была особенно нежной, потому что мы оба знали, что расстаемся и можем никогда не встретиться. Мне было немного стыдно, что в холодильнике для завтрака не нашлось ничего, кроме сливочного масла и меда. Но Эрих отказался и от этого.

– Только чай. Без масла. Без сахара, – сказал он по-английски.

За завтраком он был очень деликатным и сдержанным. Все его движения выдавали воспитанного и интеллигентного человека; он сам, возможно, не ожидал от себя такого эмоционального взрыва, который испытал с этой русской женщиной. «It is fantastic!» – эти слова он повторял как заклинание, обнимая и целуя меня ночью.

Я проводила Эриха до гостиницы и отправилась на работу. Секретарю коммерческого директора сказала, что задержалась, а мой директор ни о чем не спрашивал.

Интересно, знает ли он о том, что вчера было? – думала я. – Может быть, ему еще никто не успел сказать? Но на душе уже скребли кошки. Зашедший в приемную главный инженер был бодрым, словно накануне не было ничего.

– Как вчера доехали? – спросил он.

– Нормально, – ответила я, не желая продолжать этот разговор.

– Звонила Татьяна, сейчас они приедут. Я проведу их сра-

зу сюда, они позавтракали в гостинице. Пригласи переводчика.

– Хорошо, – я позвонила в отдел ВЭС и попросила его начальника зайти в приемную через десять минут.

Секретарь не должен показывать своих эмоций перед другими, поэтому, когда Эрих вновь зашел в приемную, я сделала вид, что между ними ничего не было. Принесла кофе в кабинет технического директора, где шли переговоры о предстоящих контрактах, и вскоре после этого все участники разошлись по своим кабинетам, а Эрих с переводчицей – к поезду. Мы расстались, не попрощавшись, и от этого было горько. Я влюбилась, совсем его не зная, просто потому, что он оказался необыкновенным любовником.

Но когда влюбляешься, неизвестные тебе черты привлекают особенно. Правда, узнала я о нем немного. Он уехал, а я осталась с разбитым сердцем. Такая вот глупая привычка влюбляться в сексуально сильных мужчин.

Мне тогда было сорок восемь. Выглядела для своих лет неплохо. Одна телеведущая сказала, что такие женщины, как считают геронтологи, чувствуют себя в возрасте сорока лет. Большинство довольны собою, особенно когда есть работа и, что немаловажно, деньги.

Плохо, что болела «женскими» болезнями. Раза четыре в год были ангины, после которых шло воспаление придатков. Весной и осенью я лежала в гинекологии, остальные разы лечилась самостоятельно. Как-то удалось получить путевку

в санаторий в Евпаторию, на целебные грязи. После приезда у меня началось обострение, и снова домашние уколы. Школьная подруга, медик по профессии, была палочкой-выручалочкой, благо жила рядом. Однажды, сделав домашний укол, призналась, что в гостях у нее находится девушка-экстрасенс. Она познакомилась с нею, когда ее сын попал в аварию и серьезно пострадал. Энергетика Ксении, как ее звали, была настолько сильной, что сын подруги физически ощущал свои органы при лечении. Вскоре она вышла на кухню пить чай, так состоялось наше невольное знакомство.

Я всегда была атеисткой и понятия не имела о людях, которые занимаются какой-то магией. Ксения оказалась красивой худенькой девушкой немного выше меня с огромными зелеными глазами и копной рыжих волос. Она избегала моего взгляда, выглядела дичком, я, наоборот, смотрела на нее с нескрываемым интересом. Потом Ксения рассказала мне, что этот дар приносит в ее жизнь большие сложности. Таких, как она, не понимают, боятся и стараются оговорить, хотя в случае беды обращаются к ним за помощью.

– Полечи ее, – попросила Ксению подруга.

– Мне нужно подумать, это очень сложный случай, – ответила она. – Вся ее семья должна умереть.

Иногда я думала о судьбе своих родственников по отцовской линии. В семье был разговор, что мать отца прокляла своих детей. Почему, не говорили, но их жизни оказались короткими. У сестры отца и одного его брата не было детей,

двоих братьев с детьми уже не было в живых. В нашей семье тоже не все было благополучно.

– Не все знахари берутся за подобное излечение, человек должен сам отработать и искупить свой грех. Пока он не прошел через страдания и болезни, ему не освободиться и не смыть зла, содеянного им или его предками когда-то. – Ксения не особенно стремилась продолжать разговор, хотя мы ее внимательно слушали. – Иногда это наказание за грехи своего народа, самое страшное наказание – лишение способности к продолжению рода. Оно будет висеть над ним не одно поколение.

Это космический закон развития по кругу и возвращения на круги своя. Неверность мужа может привести к болезни невинной жены, причем, чем сильнее эмоциональная близость между супругами, тем вернее отклонение удара на другого. Иногда такие удары принимают на себя дети, тогда плата – их испорченная жизнь, – закончила свой монолог Ксения.

– Если это проклятие рода, я буду его снимать, как бы это ни было трудно, – я решилась вступить с этой странной девушкой в дальнейший контакт. – Я пойду на все, чтобы спасти моих родных. У нас рано ушел из жизни отец, старший брат умер от рака, у меня есть проблемы. Сделаю все, что нужно.

– Мне нужно сначала побывать у тебя дома и посмотреть, что можно сделать, – ответила Ксения.

Мы договорились встретиться на следующий день вечером, но девушка не пришла. Она оказалась не сдержанной в обещаниях. Долгожданный звонок в дверь раздался только через несколько дней.

– Я жду неделю, никуда не хожу после работы, – мне хотелось поставить ее на место из-за неорганизованности, которую я не терпела. Пунктуальность у меня была всегда, а позже стала частью профессии. – Почему ты не приходила?

– Нельзя было, – коротко ответила она, не вдаваясь в подробности.

Следующие несколько месяцев после встречи с Ксенией оказались самыми необычными и страшными в моей жизни. Первый раз, когда она пришла ко мне в квартиру, она долго молча ходила по комнатам, присматривалась, стояла в углах. Затем она подошла к книжному шкафу и сказала:

– Здесь лежит фотография человека, которого убили.

– Но в нашей семье не было убийств, – я не помнила таких случаев ни с одним родственником.

– И все-таки его убили, – Ксения сказала это настойчиво и убежденно. Из антресолей, стоящих на книжных шкафах, я достала альбомы с фотографиями. Мы вместе стали их рассматривать. На одной из семейных фотографий, сделанных еще в том возрасте, когда я училась в школе, Ксения увидела молодую светловолосую женщину, глядевшую в объектив пронзительными глазами.

– Это Людмила – жена моего второго брата, – сейчас она

уже умерла. У нее был рак, который очень быстро прогрессировал, – ответила я на незаданный вопрос Ксении.

– Она обладала магией, – Ксения смотрела на меня своими огромными глазами.

Я вспомнила, что все, что было связано с семьей жены брата, в доме не обсуждалось. Он женился очень быстро, во время одного из приездов на каникулы, причем не на той девушке, которую любил. Мама говорила, что бабушка Людмила была родом из глухой костромской деревни, ворожила, и к ней часто ходили с какими-нибудь просьбами.

– Дома кое-что говорили об ее бабушке-колдунье, но я в это не верила. Неужели Людмила могла что-нибудь сделать?

– Еще как.

Я помотала головой – ну не может такого быть.

И все же было так странно, что только недавно брат, морской офицер в отставке, вернулся в родной город. Последнее время он жил и работал на Крайнем Севере, у него было там жильё. С переездом в родные места не получалось. Людмила не хотела ехать в город, где прошло ее невеселое детство с отчимом. На сороковой день после ее смерти брат неожиданно для себя получил письмо, в котором сообщалось о выделении ему квартиры в родном городе. Он собрался быстро, и с младшей дочерью приехал домой.

– Людмила отпустила его, но не окончательно. У него будет еще много проблем в личной жизни, – заключила Ксения.

– По крайней мере, перед смертью она взяла с него обещание, что он не женится, пока не даст образование младшей дочери и не выдаст ее замуж. Ему придется ждать этого, еще лет десять, – сказала я.

– Черная магия приходит тогда, когда приходит успех, появляются завистники.

– У нас в жизни ни у кого не было большого успеха.

– Необязательно карьера. Магия была и будет всегда. Есть корыстные цели – занять место начальника, кого-то присушить. Есть половые завязки, работа через трусики, фотографии.

Ксения долго смотрела на фотографию самого старшего брата.

– Он был убит, – сказала она.

Я вспомнила, как младшая сестра передала мне разговор с женой брата на похоронах. Та сказала, что в день смерти он, не любивший почему-то фельдшера, который приезжал делать ему обезболивающие уколы, сказал: «Сегодня вечером он придет, чтобы меня убить».

Посмотрев еще раз на фотографию, Ксения сказала:

– Его душа мучается, она до сих пор не может найти себе успокоения.

– Наверное, поэтому он часто снится мне, – ответила я.

В комнате стоял письменный стол, Ксения поставила фотографию брата, зажгла свечку, положила перед фотографией кусочек хлеба на блюдечке.

– Как все это можно поправить? – спросила я.

– В твоём случае только через кладбище. В черной магии есть ритуалы снятия черной порчи. Я могу это делать, но крайне редко. Все, что делается на смерть, исправляется рядом с могилами. Устраняет последствия черной магии белая магия и церковь, молитвы.

В воскресенье я возвращалась домой к шести часам вечера и очень торопилась, потому что должна была прийти Ксения. У подъезда стояла серая кошка с желтыми глазами, которая очень внимательно на меня смотрела. Редко бывает, чтобы животное смотрело на человека так осознанно. Когда я открыла входную дверь, кошка шмыгнула в нее, оказалась на ступеньках выше. Она как будто звала меня за собой. Что-то в этом было очень странное и неестественное. Я стала осторожно подниматься по лестнице. На площадке между первым и вторым этажами кошка неожиданно прыгнула на перила лестницы, потом на мое плечо, вцепилась в него своими острыми зубами и начала яростно рвать рукав. Счастье, что ткань на блузке была плотная, а в правой руке у меня был пакет с продуктами. Я начала защищаться, бить пакетом по кошке, что-то кричала. Эта вспышка ярости чужого животного так меня напугала, что я вошла в свою квартиру с дрожью в руках и ногах. Скоро пришла Ксения. Я рассказала ей об этом происшествии и на следующий день Ксения, которая обсуждала с бабушкой свои сложные случаи, сказала:

– Я пока поживу у тебя. Бабушка сказала, что сейчас тебе

нужна охрана, и тебе не нужно никуда ходить одной.

Прошло примерно три недели, когда Ксения начала ходить ко мне. Однажды ее не было несколько дней, я начала беспокоиться, пошла ее искать, подошла к жалкой хибаре.

В ее доме все кричало о бедности. Мебели почти не было. У стены стояла железная кровать, с одеялом и подушками без постельного белья, на единственном стуле лежала какая-то одежда. Печь почернела от сажи, а железная дверка подтопка висела на одной петле.

– Как вы живете здесь? – спросила я у бабушки.

– Не знаем, как будем зимовать. Дров мало. У Ксюши работы нет, а моя пенсия маленькая.

– А где она?

– Уехала. Я знаю о вас. Завтра она придет. Больше я ничего не скажу, – бабушка попросила меня уйти.

На следующий день я спросила пришедшую Ксению:

– Может, нужно помочь? У меня есть лишняя одежда, для тебя или бабушки. Зима на носу, а у вас, похоже, нет даже теплых вещей.

Она согласилась. Я собрала свои еще неплохие вещи, что-то для нее, что-то для бабушки.

В этот сентябрь вместо положенного по календарю бабьего лета шли дожди, было холодно. Ночи становились длинными и черными. Однажды Ксения сказала:

– Нам нужно пойти на кладбище, и ближе к полночи.

Было очень страшно, но представить близких людей с му-

чительными болезнями, свидетелем которых я была у своего старшего брата, я не могла и была готова идти на все, что угодно, чтобы спасти свою семью. Потихоньку ко мне стала приходить вера в сверхъестественные силы.

Глава 5

Городское кладбище находилось за городом в нескольких километрах. Хорошо еще, что могилы родственников были не в глубине, в лесу, а недалеко от дороги, метрах в двадцати. Это была старая часть кладбища, где стояли большие сосны и ели, и было, даже в выходные дни, всегда пустынно. Представить себя идущей в одиннадцать часов вечера в полной темноте по дороге, ведущей на кладбище, было невозможно. У Ксении был знакомый парень со стареньким «жигуленком». Вечером пошли к нему домой, вызвали на лестничную площадку и попросили помочь – свозить нас на кладбище, прямо сейчас. Он согласился.

По дороге несколько раз глох мотор, наверное, как и хозяину, ему не очень хотелось ехать в эту ночь по таким делам. У кладбищенских ворот мы с Ксенией вышли из машины. Водитель хотел было выйти тоже, но Ксения запретила.

На могиле брата Ксения поставила фотографию, свечи и начала читать молитвы. Сосны шумели кронами и скрипели стволами, вдали что-то ухнуло. Или кто-то? У меня душа ушла в пятки, но нужно было выдержать это до конца. Такого стресса я еще не испытывала в своей жизни ни разу. Казалось, этот ритуал длился час. Но как нам сказал потом

водитель, мы отлучались минут на пять.

– Сразу после кладбища нельзя возвращаться домой, – сказала Ксения. – Можно всю эту нечисть принести с собой. Лучше, если прийти домой после полуночи.

Мы долго кружили по ночным улицам. Вернувшись домой, выпили по рюмке наливки, чтобы снять стресс, и уснули.

– Никому не рассказывай о том, что мы делали, – сказала мне Ксения. Иначе ничего не получится.

Ко мне, хотя я ничего никому не говорила, стали обращаться за помощью разные люди. Пришла женщина, с которой я вместе когда-то работала. Ее сыну катастрофически не везло в бизнесе, все его начинания были безуспешными и с большими убытками, хотя у его друзей такие же дела шли в гору. Начались эти неприятности тогда, когда он переехал на новую квартиру. Мы с Ксенией пришли туда, посмотрели. Ксения жгла свечки, расставив их, казалось без всякого порядка, по какой-то непонятной системе. После, когда вышли из этой квартиры, я спросила, что же там она нашла, почему свечи стояли так, а не иначе?

– Ничего я там не нашла. Сын твой подружки обыкновенный раздолбай, пусть за друзьями не тянется, не его это – бизнесом заниматься. Свечи просто так пожгла. Чего ж мы зря, что ли, шли в такую даль?

– Так ведь это не поможет сыну этой женщины!

– Не поможет. Расскажет всем, что я шарлатанка, вот и

хорошо – меньше будут дергать по пустякам.

– Так, может, лучше было рассказать ей правду?

– Ну, вот ты и расскажи потом.

– А помнишь, ходили к той женщине, у которой по дому бегали «чебурашки»? Там тоже просто так свечи жгли?

– Не скажу.

– Почему?

– Ты и так от меня уже много узнала, чего бы знать тебе не следовало. Не надо тебе переходить черту.

Однажды пришел брат – морской офицер, который догадался привезти с Севера вместе с вещами в контейнере землю с могилы своей жены, а сейчас томился от беспокойства и непонятных болей в боку. Так мы вместе после этих совместных посещений квартир и сжиганием там различных свечек еще дважды ездили или ходили на кладбище ночью. В последний раз, когда не смогли найти машину, пошли пешком. Я смогла пройти только половину пути. Зайдя в лес, испытала такой страх, что дальше идти у меня не хватило моральных сил, и мы вернулись домой.

После одного из посещений кладбища Ксения сказала, что ей нужна собака, кокер-спаниель, бежевого цвета. Собака берет на себя грязную энергетику, которой она переполняется во время лечений. Я начала обзванивать знакомых, ни у кого такого щенка не было. Взяв такси, мы поехали по областным рынкам, клубам собаководства. И снова ничего. Собаку, дорогого щенка с родословной из питомника, при-

вез один знакомый из Москвы, с которым я созвонилась по телефону. Я тратила почти все деньги, которые у меня были, на Ксению, покупала ей продукты, отдавала свою одежду. Подруги с ужасом смотрели на это, сын перестал со мной общаться.

Испытание с поездками на кладбище длилось несколько месяцев, почти до Нового года. После последнего посещения кладбища в декабре мы легли спать вместе.

– Я хочу посмотреть твое будущее. – Сейчас ты будешь в трансе, и расскажешь мне обо всем, что видишь, – сказала Ксения.

Я была словно под действием наркотиков, летела в белом платье над горами, покрытыми изумрудным ковром зелени, видела большой самолет в облаках над безбрежным океаном. Затем был город. Мне казалось, что он соединяет в себе черты каких-то трех стран Западной Европы.

– Вижу город, высокие островерхие башни, как будто я в Голландии или Англии. И еще мне кажется, что я полжизни проведу в самолете, – говорила я, словно во сне.

– У тебя будет любовь, о какой можно будет писать книги. Твой муж будет очень богатый человек. Ты будешь летать с ним по всему миру, – ответила мне Ксения, когда транс закончился. – И еще: в конце жизни ты будешь ясновидящей. А сейчас – спать...

В святочную неделю мы гадали. Я делала это впервые, никогда не гадала, как многие из знакомых. На глазах блюдеч-

ко действительно каталось, из букв – складывались слова.

– Где я буду жить? – спрашивала я.

– За границей, – отвечал дух Марины Цветаевой.

– Кем я была в прошлой жизни?

– Янки.

– Почему янки? И что это значит?

После гадания Ксения ушла домой. То, что со мной происходило в ту ночь, можно было рассказывать голосом писателя-юмориста Семена Альтова, и тихо или громко смеяться. Но тогда в меня словно вселилось безумие. Я представляла, что сейчас за мной приедет Эрих и увезет к себе в свою волшебную сказочную страну. Я села в кресло и стала его ждать. Надела свою самую красивую ночную рубашку, черные босоножки с двумя тонкими ремешками, включила на полную мощность магнитофон. Мне представлялся белый мерседес, который подъезжает к дому. Вот сейчас Эрих поднимается по лестнице с огромным букетом роз, подходит к двери. Я бежала к двери, смотрела в глазок. Никого не было. В четыре часа утра в одной ночной рубашке я побежала на улицу. Январь, метель, и я у подъезда почти голая. Если бы меня кто-нибудь увидел из соседей, точно можно было прямиком отправить в психбольницу. В шесть часов утра я без сил свалилась на диван. Мне даже показалось, что глаза полыхнули фиолетовым светом. Хорошо еще, что эта ночь была с пятницу на субботу, можно было отоспаться, и никто не ломился в двери, чтобы я заглушила музыку.

Вечером, когда пришла Ксения, я рассказала обо всем, что приключилось.

– Я чуть с ума не сошла сегодня. Ты наверняка знала о том, что со мной будет происходить. Почему меня не предупредила? – с возмущением спросила я Ксению.

– Не сошла бы.

– Меня просто Бог спас, – сказала я. – Но почему это произошло? Этот бег на улицу?

– Надо было, чтобы тебя пробило, и вся твоя дурь вышла в Космос, – ответила Ксения.

Перед третьим гаданием, на Крещение, она пришла около полночи, и у нас кончились сигареты. Я быстро оделась, круглосуточный магазин был недалеко. Было очень пустынно и холодно. Шла быстро, и вдруг за спиной услышала чьи-то шаги. Как будто ниоткуда выскочил крупный молодой парень, повалил меня на снег, протянул руки к глазам. Меня словно парализовало, я не могла не только крикнуть, но даже промычать. Просто беззвучно пролепетала губами:

– Помогите!

И парень тотчас отпрянул назад, убежал. Я встала, почистилась от снега, зашла в магазин. Еле слышно стала говорить людям из очереди, что сейчас напал какой-то маньяк. Но никто меня не услышал. Все осторожно отстранялись от меня, как отстраняются от не совсем адекватных, но не опасных людей. Только продавщица привела меня в чувство:

– Вы чего тут очередь создаете, брать чего-нибудь будем?

Я вспомнила, что пришла за сигаретами, расплатилась и пошла домой быстрым шагом, иногда срываясь на бег. Дома рассказала Ксении о том, что произошло. Та засмеялась:

– Ничего бы не произошло, я контролировала ситуацию.

– Тебе смешно, а мне не очень.

После того, как мы погадали, и Ксения ушла, я долго не могла уснуть. Следующий день был рабочим, но утром я не смогла из-за безотчетного страха выйти из дома на работу. Я от соседей позвонила в приемную, предупредила, что не приду из-за болезни, и пролежала весь день, пугаясь каждого шороха. Мне казалось, что по трубам все время кто-то стучит, во всех углах трещало. Кошмар продолжался до самого вечера. Я не выдержала и отправилась к жилищу Ксении. Но той дома не оказалось. Бабка выслушала меня внимательно и начала говорить нехотя, как бы по большому секрету:

– Ксения наша начала неладное делать. Напоила я ее травой. Спит она сейчас. Долго проспит. И все ее знания пропадут, не по ней этот груз. Тебя ломало через ее козни-забавы. Ну-ка, подставь мне свою голову.

Бабка положила правую ладонь на затылок и начала что-то шептать. Потом пристально посмотрела в глаза, словно врач-офтальмолог, пытающийся что-то рассмотреть на глазном дне, и сказала:

– Вот и всё. Всё ушло.

И точно, я почувствовала, что в голове начало проясняться, на душе стало спокойней. Когда вернулась домой, на-

строение было даже выше обычного. Так всегда бывает после того, как болезнь отступит. Правда, усталость навалилась необыкновенная. Я упала в кровать и проспала всю ночь как убитая. Утром почувствовала себя в полной норме.

В это же время заболела мама. У нее была моча с кровью. Однажды у нее выходил камень, мы видели его, такая длинная половинка боба. Но даже тогда она не обращалась в больницу. Сейчас она лежала в своем доме на кровати, рядом на столе стояла баночка, у кровати ведро. Таких приспособлений для лежачих больных, как сейчас, не было. И бесполезно было рассчитывать на внимание врачей. Как и от чего ее, возраст за семьдесят лет, стали бы лечить? И я снова пошла к Ксении.

На следующий день она пришла и сказала, что полечит ее. Что об этом просил дух старшего брата. Она мяла живот мамы, после этого из нее вышло полведра всякой нечисти. Кровотечение в моче прекратилось, и не вернулось никогда. Только за это я начала ее боготворить. Не знаю до сих пор, что было во всех действиях правдой, и нужно ли было все это делать.

Дважды в год, весной и осенью, Ксения приходила ко мне делать массаж. Я настолько привыкла к нему, что ждала с нетерпением, когда же мы начнем работу. К семи часам вечера я успевала накормить и вымыть маму, я привезла ее в свою квартиру. Она лежала спокойно и не мешала нам. Ксения поставила цель сделать меня не просто красивой, а моло-

дой. Я должна выглядеть моложе своего возраста лет на двадцать. На каждый из десяти дней у нее была своя программа. Она работала необычно, не как остальные массажисты. Ее массаж был соединен с иглоукалыванием и очистительными процедурами. Врачи, которым я говорила об этом, относились к такому эксперименту настороженно. Ксения же говорила, что работает правильно, но по-своему, потому что она – экстрасенс. У нее была своя методика, но в основе точечного массажа был тот же принцип, что и при проведении иглоукалывания.

С самого начала работы секретарем я улучшала свой голос. Мне хотелось, чтобы он был спокойным, мягким, интеллигентным, естественным. И еще: чистым, сочным, живым. Дома читала вслух скороговорки, записала свой голос на магнитофон. Представляла себе, что даю интервью на радио на тему, о которой можно говорить без подготовки, например, об утренней дороге на работу, о том, что понравилось в недавно просмотренной телепередаче, описывала свои любимые кушанья. Дополнительно это развивало образное мышление. Словарный запас оказался несколько бедноват, но переключать внимание с одного предмета на другой могла быстро. Работа над своим голосом помогала запоминать голоса клиентов фирмы. Я радовалась, когда по первому слову «Алло» могла вспомнить звонившего, если он обращался к нам хотя бы один раз. И часто безошибочно на-

зывала его по имени-отчеству.

Сейчас это была Татьяна, переводчица из Москвы, и то, что она сказала, буквально выбило меня из колеи.

– Поздравляю тебя! Новость – необыкновенная. Звонил Эрих. Он в сентябре приезжает на международную выставку в Москву и приглашает тебя провести с ним это время. Все твои расходы будут возмещены.

– Не могу в это поверить. Мне казалось, что он давно забыл меня. Мы едва знакомы, – я не могла прийти в себя от этого известия.

– Он не забыл, я же тебе говорила. Он все время о тебе спрашивает, когда мы разговариваем по телефону. И я, только не сердись, передаю от тебя приветы.

– Но ведь я их не передавала! Так неудобно, будто я напращиваюсь. Я ведь никогда не забываю, что старше его.

– Ну и что – старше. Может быть, он как раз любит зрелых, чувственных женщин. Что делать с молодыми? Они ничего не понимают в сексе, – успокаивала Татьяна.

– Мне кажется, он мог бы найти для такой встречи красивую девушку. Я ведь не красавица, – ответила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.